

Голсуорси Джон

Побег

Джон Голсуорси

Побег

Пьеса с прологом в двух частях и девяти эпизодах

Перевод О. П. Холмской

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Мэтт Деннант

Девушка в Хайд-парке

Сыщик

Двое полицейских

Заклученный

Двое тюремщиков

Дама со стриженными волосами

Горничная

Пожилой джентльмен

Четвери выехавших на пикник

Мужчина в брюках гольф и его жена

Деревенский констебль

Двое батраков

Фермер

Девочка

Две старых девы

Пастор

Звонарь

Погоня

Пролог. Хайд-парк ночью.

Между этим и следующим эпизодом проходит более года.

Часть первая.

Эпизод первый. Дартмур в тумане (днем).

Эпизод второй. Спустя шесть часов. Дартмур в тумане (ночью).

Эпизод третий. Спустя тридцать два часа. Номер в гостинице.

Часть вторая.

Эпизод четвертый. Прошло семь часов. Открытый склон над рекой.

Эпизод пятый. Прошел час. На пригорке среди вересковых зарослей.

Эпизод шестой. Прошло полчаса. Открытая местность среди поросших вереском склонов.

Эпизод седьмой. Прошел час. Песчаный карьер на краю вересковой пустоши.

Эпизод восьмой. Спустя несколько минут. Изящно обставленная гостиная в деревенском домике.

Между этим эпизодом и следующим временного промежутка нет.

Эпизод девятый. Ризница в деревенской церкви.

ПРОЛОГ

Хайд-парк ночью. Роттен-Роу с его чугунной решеткой, пешеходной дорожкой, скамьями, деревьями и кустами на заднем плане. Молодая женщина или девушка (возраст трудно определить) сидит одна на скамейке в смутном свете фонарей, находящихся справа и слева, но невидимых зрителю. Ее накрашенное лицо не лишено привлекательности, поза неловкая, настороженная. Справа налево проходит сыщик в штатском платье, замечает ее призывный взгляд, ускоряет шаг. По выражению ее лица, когда он подходит и затем удаляется, ему нетрудно определить, кто она такая. Потом проходят двое мужчин, не глядя на нее, разговаривая между собой. Слышны обрывки фраз: "А он мне говорит", "А я ему говорю". Потом некоторое время прохожих нет, и девушка, припудрив нос, уже собирается уйти, как вдруг слева появляется неторопливо шагающий по дорожке Мэтт Деннант. Это молодой человек, довольно высокий и стройный, спортивного вида, одетый, как полагается, когда отправляешься на скачки в летнее время; в руках у него сильный бинокль; курит сигару. Завидев его, девушка подается вперед на скамейке, и, когда он проходит мимо, она вдруг вскидывает на него глаза и тихо говорит: "Добрый вечер!" Он останавливается, смотрит на нее, пожимает плечами, подносит руку к шляпе и, ответив: "Добрый

вечер!", уже хочет идти дальше, но она вновь обращается к нему.

Девушка. Нет ли у вас спичек? (Поднимает руку с сигаретой; он останавливается и подает ей зажигалку.)

Девушка (вертит в руке зажигалку). Золотая?

Мэтт. Медная.

Девушка. Хотите? (Протягивает ему портсигар.)

Мэтт. Спасибо, я курю. (Показывает ей свою сигиру, поставив ногу на скамью и помахивая биноклем.)

Девушка. Были на скачках?

Мэтт. Да. Сегодня Гудвуд.

Девушка. Я тоже была в этом году - на Юбилейных.

Мэтт. На какую лошадь ставили?

Девушка. На тех, какие не выиграла. А если не выигрываешь, какой смысл ходить?

Мэтт. А просто поглядеть на лошадей разве не приятно?

Девушка. Да ничего, они красивые.

Мэтт. Самое красивое на свете.

Девушка. Красивее женщин?

Мэтт. О присутствующих не говорят, а вообще-то да.

Девушка. Вы это всерьез?

Мэтт. Ну, иногда, бывает, встретишь женщину, которая тоже умеет высоко держать голову, да только редко.

Девушка. Я вижу, вы не любите женщин.

Мэтт. Не очень.

Девушка (с улыбкой). По крайней мере, откровенно.

Мэтт. Да, видите ли, если сравнивать с лошадьми, у женщин нрав гораздо хуже.

Девушка. А кто в этом виноват?

Мэтт. Ну да, вы все говорите, что мужчины, но сами-то вы в это верите?

Девушка (смеется). Не знаю!.. Но если лошадь с норовом, кто ее сделал такой, как не мужчины?

Мэтт (поражен). М-м! (Садится рядом с ней.) Все-таки нет ничего упрямей, чем необъезженная лошадка, - я их видал на Западе.

Девушка. Нет ничего упрямей, чем упрямая женщина.

Мэтт. У женщин нет того оправдания, что у лошадей, - их ведь давно объездили, еще когда Ева подавала чай Адаму.

Девушка. А! В раю! Рай - это, наверно, вроде Хайд-парка, полицейский там был, во всяком случае.

Мэтт. Вы часто сюда приходите?

Девушка. А куда еще идти? Всюду такие строгости.

Мэтт. Гоняют, да?

Девушка. Вы кто, военный?

Мэтт. Был.

Девушка. А теперь?

Мэтт. Думаю пойти в священники.

Девушка (смеется). Денежки, стало быть, есть?

Мэтт. Немножко.

Девушка (со вздохом). Ах!.. Будь у меня деньги, знаете, что я бы сделала?

Мэтт. Спустили бы все до гроша.

Девушка. Вот уж нет! Чтоб я еще когда-нибудь поставила себя в зависимость от вашего брата, мужчин (мрачно), лучше умереть!

Мэтт. Вы, значит, не как та дама, которой давали веселящий газ?

Девушка. А что с ней было?

Мэтт. Кричала все время: "Не хочу быть свободной, независимой экономической единицей! Хочу, чтобы меня любили!"

Девушка. Ну, это она напрасно. Нет, сэр! Еще раз сунуть шею в ярмо? Да ни за что! Но мы не можем копить - слишком мало выручаем. Так что пропащее наше дело. Прежде еще, говорят, было ничего, а теперь...

Мэтт. Теперь и обыкновенная девушка стала держать себя свободнее, вы об этом?

Девушка (с укором). Обыкновенная девушка!

Мэтт. Но вы же не считаете себя... обыкновенной?

Она молчит.

Мэтт. Простите! Я не хотел вас обидеть.

Девушка. Уж лучше бы хотели. Настоящий грубиян никогда так больно не заденет. Но вы, конечно, правы. (С горечью.) Теперь у нас нет даже этого оправдания.

Мэтт. Что это какой печальный у нас вышел разговор?

Девушка. А мы всегда должны быть веселенькие, а? Говорят, ко всему можно привыкнуть, но я вам скажу: никогда не привыкнешь изображать из себя канарейку, когда на сердце кошки скребут.

Мэтт. А! Я всегда сочувствовал канарейкам - все требуют от них пения, а они, бедняжки, такие желтые.

Девушка. Все-таки вы очень милый - посидели со мной, поболтали.

Мэтт. Благодарю. Это все среднее образование.

Она нерешительно протягивает ему карточку.

Девушка. Тут мой адрес, может, когда зайдете.

Мэтт (вертит карточку; ему и смешно и неловко.) On verra!
{Увидим! (франц.)}

Девушка. Это что значит?

Мэтт. Выражение надежды.

Девушка (смотрит на него с полуоткрытым ртом). О! Так, может, сейчас?..

Мэтт. Спасибо... Нет, сейчас нельзя. Обещал в десять быть в одном месте. Будут ждать...

Девушка. Другая?

Мэтт. Нет.

Девушка. Просто я вам не нравлюсь.

Мэтт (пожав плечами). О, нет, не скажите. В вас есть какая-то такая... первородная свежесть.

Девушка. Первородный грех!

Мэтт. Что ж, есть вещи и похуже.

Девушка. Еще бы! Например, скромное достоинство. Ух! Ненавижу! Вы только не думайте, что это такая сладкая жизнь. Врагу своему не пожелаю.

Мэтт. Как вы до этого дошли?

Девушка. Ну, это вы бросьте! Вы все об этом спрашиваете, но, будьте покойны, правды вам никто не скажет. Ну, да ладно, чего там. Моя профессия самая древняя в мире. Хотя и это неверно - есть одна еще древнее.

Мэтт. Какая?

Девушка. Полицейского. Кабы не они, и нашей бы профессии не было.

Мэтт. Что ж, это как будто говорит в вашу пользу.

Девушка. Какая уж там польза! Вы заляните как-нибудь в полицейский суд - утром в понедельник.

Мэтт. Смотреть, как они стреляют сидячих фазанов? Нет уж, спасибо. От полиции честной игры не жди. Да им, наверно, и нельзя, если хотят, чтоб был порядок.

Девушка. Могли бы все-таки подождать, пока ты нарушишь ихний порядок.

Мэтт. Вы когда-нибудь попадались?

Девушка (бросив на него быстрый взгляд, решительно). М-м! Нет еще. Пока. (В сердцах.) А что мы можем сделать? Если не подашь знак, кто тебя распознает?

Мэтт. Прелестно!

Девушка. Искоренить разврат на улицах - вот ведь о чем они кричат. Искоренили бы его в мужчинах - это бы верней!

Мэтт. А вы где тогда были бы?

Девушка (страстно). Только не здесь!

Мэтт (посмотрев на нее долгим взглядом). Гм! Одни хороши, да и другие не лучше. Нет уж! Предпочитаю иметь дело с лошадьми и собаками.

Девушка. У меня есть котенок.

Мэтт. Ангорский?

Девушка (кивает). Красавчик! (Вкрадчиво.) Может, пойдём, посмотрим?

Он качает головой, истаёт, берет бинокль, протягивает ей руку. Она уже готова пожать, но вдруг резко отдергивает руку, хмурясь и кусая губы. Он пожимает плечами, притрагивается к шляпе и уходит. Она пытается удержать его за рукав, не успевает, секунду сидит, потом встает и идет следом за ним. Но она не заметила, что слева еще раньше появился сыщик. Он быстро проходит по дорожке, и в ту минуту, когда она уже уходит направо, он хватается за руку.

Девушка вскрикивает. Он тащит ее обратно к скамье, она сопротивляется.

Девушка. Кто вы такой?..

Сыщик. Полиция. (И так как она все еще противится, он для острастки слегка выворачивает ей руку.)

Девушка. Не троньте! Ой! Негодяй!

Сыщик. Ну, ну! Ведите себя смирно, и никто вас не тронет.

Девушка. Я ничего не сделала

Сыщик. Ну, конечно. Вы же никогда ни в чем не виноваты.

Девушка (глядя вслед Мэтту). Я ничего не сделала! Он вам подтвердит!

Мэтт возвращается.

Скажите ему! Ведь вы сами со мной заговорили?

Мэтт. Конечно, сам. Да кто вы, собственно, такой?

Сыщик (показывает ему свой значок). Эта женщина приставала к вам. Я давно за ней слежу и уже не раз видел.

Мэтт. Да нет же, вы ошиблись. Мы просто разговаривали, больше ничего.

Сыщик. Я видел, как она к вам приставала. Я видел, она пыталась вас удержать - это уже и раньше с ней бывало.

Мэтт. Не знаю, что было раньше, а сейчас вы не имеете права ее арестовывать. На этот раз вы ничего не видели.

Сыщик (все еще держа девушку и пристально глядя на Мэтта). Эта женщина к вам приставала, сами знаете, и лучше вам в это дело не путаться.

Мэтт. Ну так отпустите девушку. Вы превышаете свои полномочия.

Сыщик. Много вы знаете о моих полномочиях! Я обязан следить, чтобы в этом парке все вели себя прилично- и мужчины и женщины. Ну, намерены вы удалиться?

Мэтт. Нет, я намерен остаться.

Сыщик. Очень хорошо. Можете пойти с нами в участок,

Мэтт. Да что это, нельзя людям поговорить! Я ведь не жалуясь.

Сыщик. А я вам говорю, я знаю эту женщину. Не мешайте мне, а то я и вас задержу.

Мэтт. Сделайте одолжение, только ее отпустите.

Сыщик. Слушайте, вы! До сих пор я терпел, но если вы и дальше будете мешать мне при исполнении моих обязанностей, я вызову констебля, и вы оба попадете в участок!

Мэтт. Не кипятитесь. Даю вам честное слово, что эта дама ничем меня не беспокоила. Наоборот...

Сыщик. Она занималась здесь своим ремеслом, как делала и раньше. А мне поручено этого не допускать. Она будет привлечена к суду. Я уже третью ночь слежу за ней.

Девушка. Да я вас никогда и в глаза не видела!

Сыщик. Вы-то меня не видели, зато я вас видел - и вы себя достаточно показали. Ну, а теперь хватит! (Подносит свисток ко рту.)

Мэтт. Безобразие! Отпустите ее, слышите!

Берет сыщика за плечо. Тот свистит, отпускает девушку и хватает Мэтта.

Мэтт (вырывается, девушке). Бегите!

Девушка. Нет, нет! Не надо драться! С полицией не спорят. Я пойду с ним.

Мэтт (держа кулаки наготове, не подпускает к себе сыщика). Бегите, говорят вам! Ему со мной так легко не справиться!

Но сыщик оказывается более ловким, чем он ожидал, и, проскользнув под его руку, обхватывает его поперек тела.

Девушка. Ой! Ой!

Мэтт. Э, нет! Шалишь!

В последующей ожесточенной борьбе у сыщика слетает с головы котелок. Мэтт вывертывается и, снова отскочив на длину руки, принимает боксерскую стойку.

Мэтт. Еще хочешь? Ну, ну, иди!

Сыщик бросается на него. Мэтт встречает его ударом справа в подбородок.

Сыщик падает навзничь и лежит неподвижно.

Девушка. Ой! Ой!

Мэтт. Беги, глупая! Беги.

Девушка (в ужасе). Ой! Он ударился головой об решетку! Я слышала, как хрустнуло. Смотрите, он не шевелится.

Мэтт. А как же иначе? Я его нокаутировал. (Подходит ближе, смотрит на лежащего.) Об решетку?.. Разве?..

Девушка (стоя на коленях, ощупывает голову сыщика). Пощупайте!

Мэтт. Бог мой! Вот это стукнулся!

Девушка. Я говорила, не надо драться! И зачем только вы начали!

Мэтт (расстегивает пиджак сыщика, пытается прослушать сердце). Не пойму... Черт! Теперь нельзя его оставить. (Выслушивает сердце.) Не бьется!..

Девушка (нагибается и дергает Мэтта за руку). Скорей! Пока никого нет. Туда, через лужайку! Никто не узнает.

Мэтт (слушает сердце). Не могу я так бросить этого беднягу. (Оглядывается.) Вон его шляпа. Сбегайте, принесите воды из Серпентайна.

Девушка подбирает шляпу и стоит в нерешимости.

Девушка (в отчаянии). Нет, нет! Бегите! Это не шутки! Вдруг... вдруг он умер!.. (Тянет его за плечо.)

Мэтт (стряхивая ее руку). Не будьте дурочкой! Ступайте, принесите воды. Ну, живо!

Девушка ломает руки, потом поворачивается и убегает со шляпой налево. Мэтт, по-прежнему стоя на коленях, растирает сыщику виски, щупает пульс,

выслушивает сердце.

Мэтт. Не понимаю, как это вышло. (С жестом отчаяния возобновляет свои попытки оживить лежащего. Внезапно поднимает глаза.)

Справа тем временем появились двое полицейских.

Полицейский. Что тут такое?

Мэтт. Не знаю... Боюсь, он...

Полицейский. Что? Кто он такой? (Вглядевшись в лицо сыщика.) Фью-ю! Наш! (Нагибается, становится на колени, прикладывает ладонь к губам лежащего.) Не дышит! Как это случилось?

Мэтт (показывает на решетку). Ударился головой об эту штуку.

Полицейский. Где его шляпа?

Мэтт. Свалилась. Ее взяли, чтобы принести воды.

Полицейский. Кто?

Мэтт. Одна девушка...

Полицейский. Он нам свистел. Вы его ударили?

Мэтт. Мы поспорили. Он схватил меня. Я дал ему в подбородок. Он упал навзничь и-головой об решетку.

Полицейский. Причина драки?

Мэтт (хватается за голову). О господи! Даже не знаю. Первородный грех!

Полицейский (другому полицейскому). Ты оставайся здесь. Я вызову карету скорой помощи. (Мэтту.) А вы идите со мной!

Занавес

* ЧАСТЬ ПЕРВАЯ *

ЭПИЗОД ПЕРВЫЙ

Прошло больше года. Тюремная ферма в Дартмуре. Густой туман. Задник изображает стену, огораживающую поле, слева - отходящая от нее под углом каменная стена. Мэтт Деннант и другой

заклученный собирают ранее выкопанный ими картофель. Они лишь смутно видны в тумане бросают картошку в стоящие между ними две корзины. Разговаривают вполголоса.

Мэтт. Ну, и он умер, бедняга, а я получил пять лет за непредумышленное убийство.

Заклученный. Ух ты! Полицейский! Это тебе, брат, повезло, что тебя не вздернули.

Мэтт. Девушка выручила. Горой за меня стояла. Если бы не ее показания...

Заклученный. Вишь ты! И тут повезло. Другая бы не стала. Очень уж они запуганы. А сколько ж тебе еще сидеть?

Мэтт. Три года, если буду вести себя, как святой с иконы.

Заклученный. А мне четыре припаяли. (Прекращает работу и выпрямляется.) Слушай, ты ведь из благородных, да?

Мэтт. Из благородных!.. (Со смехом.) Только и осталось моего благородства, что говорю с оксфордским акцентом и не выношу, когда на меня кричат, как на собаку.

Заклученный. Тише, ты! (Показывает большим пальцем вправо на стену.) От тумана им уши не заложило, черт их побери!

Мэтт. Да, туман... И так вдруг... А как ты думаешь, долго продержится?

Заклученный. После дождей, да в это время года, да без ветра - надо быть, долго. Нас сейчас загонят, вот увидишь. Построят - и марш ко двору. Нервничают они, когда туман. Побегов боятся.

Мэтт. Говорят, отсюда еще никому не удавалось бежать.

Заклученный. Было все-таки, пробовали.

Мэтт. Черт! Я бы рискнул.

Заклученный. Ну нет, и не думай. Тут, брат, одежда нужна - переодеться, и деньги чтоб были и автомобиль. Да и все равно поймают. Болота кругом - не продерешься. А ты, видать, этого шпика здорово треснул, что он окочурился?

Мэтт. Обыкновенный нокаут в подбородок. Не в этом дело. Он ударился затылком о решетку. (Опять принимается подбирать картошку.) Бедняга! Счастье еще, что он был неженатый.

Заклученный. Счастье? Ну это как сказать. Да что ты все о нем? Плюнь! Я бы давно плюнул. Кокнул и кокнул, и черт с ним, все равно

как ганса на войне. Эх! Хороша картошечка! (Поднимает руку с картошкой.)

Справа под стеной появляется смутный силуэт надзирателя.

Надзиратель. Прекратить разговоры! Когда кончите этот ряд, пройдете обратно по следующему - и стоять тут, пока не подойдут остальные. (Заключенные молчат.) Ну? Оглохли? Почему не отвечаете?

Заклученный. Так точно, сэр.

Надзиратель уходит обратно.

Во как он с нами! А что я тебе говорил? Скоро деточек домой позовут - чайку попить.

Мэтт (сквозь зубы). Как с собакой. Еще три года - как с собакой!

Заклученный, Да он вообще-то ничего, не вредный. Это они от тумана. Боятся. А я уж заметил: когда человек боится, он всегда этак вот разговаривает.

Мэтт. Может быть. Только я не могу к этому привыкнуть.

Заклученный. Больно вы норовистые, как я посмотрю, - слишком много овса получали, когда были двухлетками.

Мэтт (понижив голос, быстро). Ты хорошо знаешь эти места? Где Ту-Бриджес?

Заклученный. Вон там, в миле отсюда.

Мэтт. А Тэвисток?

Заклученный (показывая назад направо). Туда верных семь. Ох, не затевай ты это! Один ведь шанс на миллион! Схватишь только воспаление легких по этакой мокреде да и, как пить дать, зацапают, а там, знаешь: в карцер, на хлеб на воду, и все такое прочее.

Мэтт. Я бежал из Германии.

Заклученный. Из Германии? Ну-у! Вот это здорово!

Мэтт. Ищеек у них нет, не знаешь?

Заклученный. Ищеек-то вроде нету, да только все жители местные против нас. Вся округа. Не любят арестантов. Чудно, правда?

Они прошли налево до конца ряда и остановились, нагнувшись, сблизив головы.

Мэтт. Нарисуй-ка мне план вот этим сучком.

Заклученный. Ишь, нейметса тебе! (Царапает по земле.) Вот это большая дорога, а вот поперечная на Тэвисток. Тут гостиница, что у

Ту-Бриджес, а тут Пост-Бридж. Тут проселок к холму Би-Тор-Кросс - десять-двенадцать миль. Здесь Чагфорд, а там Мортон Хэмстид.

Мэтт. А что там дальше, после Ту-Бриджес?

Заключенный. Вересковая пустошь. Вот тут примерно лесок, длинный такой; потом Хемблдон; дальше спуск на поля к Уайдкомбу; петом подъем и опять вереск до Хейтора и Бови. Тут железная дорога, можно сесть на поезд в Бови или Лестли, или Мортоне, или Тэвистоке, да что толку, когда там уже будет тебе встреча готова, словно ты принц Уэльский! С этой стороны трясина Фокс-Тор - такая топь, не приведи господи!

Минута молчания. Мэтт изучает вычерченную на земле карту.

Голос надзирателя (издали). Эй, вы, там, скорей кончайте последний ряд!

Туман все сгущается

Мэтт. (Затирает карту ногой.) Туман - хоть глаз выколи. Эх! Была не была! Попробую.

Начинают новый ряд, постепенно передвигаясь вправо.

Заключенный. Там еще один караул, за стеной. Тридцать шагов отсюда. Стрелять будет.

Мэтт. Я знаю. Перелезу вон там в углу и сразу вдоль стены, под самым его носом. В таком тумане он наверняка будет следить за наружной стеной, а не за этой. Лишь бы тот (кивает вправо) не заметил, а то проскочу.

Заключенный. С ума ты спятил! Застрелят! А если сразу и не заметят, так через десять минут я кончу этот ряд, все равно увидят, что тебя нет. На рожон лезешь!

Мэтт. Ладно, друг, не волнуйся. Пуля так пуля - все-таки перемена. А уж если прорвусь - ну, побегают они за мной!

Заключенный. Слушай, коли уж ты решил... Перво-наперво выходи на большую дорогу и беги туда (показывает). В такой туман им придется сперва развести нас по камерам, а уж потом пускаться в погоню. Там, чуть пройдя речку, будет слева лесок. Заползи, где погуще, и листьями прикройся. И жди, пока не стемнеет. Так ты, по крайности, будешь возле дороги - найдешь сена стог или еще что, спрячешься до утра. А станешь ночью бродить - закружишься в тумане, закоченеешь, на рассвете тебя и сцапают.

Мэтт. Спасибо. Ну, а теперь - чем скорее, тем лучше! Как на скачках только не медлить перед препятствием. Разогнался - и с ходу. (Сует несколько картофелин в карман.) Pommes crues - Sauce Daftmoor {Сырой картофель год дартмурским соусом (франц.)}. Их можно есть сырыми? В Германии я ел брюкву.

Заклученный. Не знаю. Не пробовал. Возьми! (Протягивает Мэтту ломоть хлеба.)

Мэтт. Спасибо тебе! Ты славный малый.

Заклученный. Желаю удачи. Эх, и я бы с тобой, да вот смелости не хватает.

Мэтт. Ну! Повернись в ту сторону и так и стой, не оборачивайся. Кланяйся от меня тюрьме. Пока!

Делает три шага, останавливается на несколько секунд, потом вдруг, низко пригнувшись, бежит к левой стене и, вскарабкавшись, на нее, как кошка,

исчезает за гребнем. Минута молчания. Заклученный прислушивается.

Заклученный (считает про себя секунды до двадцати, взволнованно бормочет). Это он, значит, мимо караула уже прошел. (Снова прислушивается.) Удрал! Ей-богу! (Успех товарища пробуждает в нем жажду последовать его примеру). Может, и мне?.. Попробовать?.. А! Чем черт не шутит! Рискну!

Но едва он успел повернуться, как справа слышится издали голос надзирателя.

Надзиратель. Эй ты! Где твой напарник?

Заклученный. Его позвали, сэр. (Замирает на месте.)

Голос надзирателя (ближе). Что ты городишь?

Заклученный. К той стене пошел, сэр.

Надзиратель (появляется). Там его нет. Ну! Говори! Где он?

Заклученный. А что вы меня спрашиваете? Я-то почему знаю?

Надзиратель. Марш за мной. (Быстро проходит вдоль задней стены к левому углу. Останавливается.) Заклученный! Эй! За стеной! Отвечай! Караульный! Уильямс! Мимо тебя кто-нибудь проходил? У нас тут один пропал!

Голос второго надзирателя. Никто не проходил.

Первый надзиратель. Давай тревогу! Арестант сбежал!

Второй надзиратель появляется над гребнем стены.

Второй надзиратель. Значит, он мимо тебя прошел.

Первый надзиратель. Черт бы побрал этот туман! Дай выстрел! Нет, не надо, а то все разбегутся. Сейчас же сделаем перекличку, отведем их домой, доложим - только так, другого выхода нет. (Заклоченному.) Эй ты! Молчать про это, слышишь? Тут не без тебя обошлось, я знаю.

Заклоченный. Да что вы, сэръ! Просто он мне сказал, что приглашен сегодня на чай к герцогине, а я, что ж, я стал подбирать картошку, потому знаю, вы торопитесь.

Первый надзиратель. Не дерзить! Идем, Уильямс! Марш, ты!

Идут вправо.

Занавес

ЭПИЗОД ВТОРОЙ

Спустя шесть часов. На вересковой пустоши, возле большой дороги. Ночь,

густой туман. Ничего не видно.

Голос первого надзирателя. И чего мы сторожим эту клятую дорогу, ничего ж не видать.

Голос второго надзирателя. Полиция тоже тут, только что двое прошли. В такую ночь всякого поближе к дороге тянет.

Первый надзиратель. Но он-то, может, совсем в другую сторону махнул.

Второй надзиратель. Если не залег где-нибудь, так уж непременно по дороге пойдет. По лугам не станет - там в этакый туман живо заплутаешься.

Первый надзиратель. А может, он на Корнуорси подался?

Второй надзиратель. Нет, туда они никогда не бегут: трясины Фокс-Тор боятся.

Первый надзиратель. А если на Тэвисток?

Второй надзиратель. Ту дорогу тоже патрулируют.

Первый надзиратель. Я бы их порол, этих беглых! Торчи тут из-за него всю ночь напролет на этакой сырости. Свины паршивые, только о себе думают. Дай-ка хлебнуть.

Второй надзиратель. Держи. Мимо рта только не пронеси, ну да ты нюхом, по запаху!

Первый надзиратель. Только бы его поймать, уж я ему всыплю! Я не злой человек, но когда держат тебя всю ночь в этаким чертовом

киселе, тут и святой не выдержит. (Пьет.)

Второй надзиратель. Оставь мне маленько. (Шепотом.) Что это? Слушай! (Оба прислушиваются.)

Первый надзиратель. Я ничего не слышал. (Хочет опять поднести фляжку ко рту.)

Второй надзиратель. Мне показалось, скребется что-то. Посветить?

Первый надзиратель. Не надо. (Прислушиваются.)

Второй надзиратель. Тут, бывает, пони ппсутся.

Первый надзиратель. Он, слышать, из джентльменов, этот белый.

Второй надзиратель. Ага. Капитаном был на войне.

Первый надзиратель. Это тот самый, что убил сыщика в Хайд-парке. Спортсмен, говорят. Закаленный! С этими всего хуже, когда сорвутся, - будет бежать, пока не сдохнет.

Второй надзиратель. Коли он такой образованный, так мог бы понять, что не к чему в побег пускаться. Знает же, что ничего не выйдет.

Первый надзиратель. А в них, видишь ли, такой дух, что нельзя сломить. Знаешь этого юриста - в левом крыле? Который за растрату? На него посмотреть - жуть берет. До того выдержанный - глазом никогда не сморгнет, - как истукан каменный!

Второй надзиратель. Я наших дурачков иной раз жалею, но чтобы я джентльмена когда пожалел - дудки! Им-то уж надо бы умней быть, не выкидывать таких штук, за какие под замок сажают. С жиру бесятся, вот что. Да и нахальства у них чересчур много, это ты верно сказал.

Первый надзиратель. Все ж таки то был на самом верху, а то сразу в самый низ - им, небось, тяжелей, чем другим.

Второй надзиратель (зевая). Ох! Домой бы, в постельку! (Встрепенулся.) Вот опять! (Оба слушают.) Пони, наверно. Тьфу! Собачья наша должность. Кабы не жена, я бы лучше улицы стал подметать.

Первый надзиратель. Я уж привык, кроме, конечно, когда такой цирк, как сейчас. К такому ни один черт не привыкнет. Это только в кино хорошо.

Второй надзиратель. Что верно, то верно. Видал ты эту новую картину - с Дугом? Как он, по-твоему, делает этот трюк, на крыше?

Тут у нас есть форточники, уж на что ловкачи, а и то, думаю, не сумели бы.

Первый надзиратель. Я тебе скажу. По-моему, у него каблуки на пружинах. И еще я заметил, в этом месте у него руки как-то неясно видны, - за веревку, небось, держится, а потом они это какой-нибудь химией вытравляют.

Второй надзиратель. Хе! А мне и в голову не пришло. Ну а там, где он падает и хватается за карниз?

Первый надзиратель. Оптический обман. Этих киношных штукарей надо бы кое-кого в тюрьму посадить - до чего публику обманывают.

Второй надзиратель. Сколько я видал картин, а нет лучше, чем "Две сиротки". За сердце берет. Мы с женой смотрели, оба плакали.

Первый надзиратель. А я больше всех Чарли люблю. Посмотришь его, будто сам лучше становишься. Почему это, а?

Второй надзиратель. А он такой человечный, вот почему. Большую денюгу, наверно, зашибает.

Первый надзиратель. Я до костей промок. Дай-ка еще выпить. (Слышно бульканье.) Как поймал этого парня, ты меня придержи, не то я, хоть оно и против закона, а душу из него вытрясу.

Второй надзиратель. И я то же самое. Давай кинем - орел или решка - мне тебя держать или тебе меня? Твое что?

Первый надзиратель. Орел.

Второй надзиратель. Что выпало? Посвети.

Надзиратель включает электрический фонарик. Это первый проблеск света в этой сцене. У дороги, с той ее стороны, которая ближе к рампе, видны их

голова, склонившиеся над монетой.

Второй надзиратель. Решка. Ты проиграл. (Выключает фонарик. Свет гаснет.) Но как же это выходит? Ты меня держишь или я тебя?

Первый надзиратель. Ты меня.

Второй надзиратель. Да нет же! Я выиграл. Значит, мне его и бить. Господи! Ну и ночка! Проверь там веревку, хорошо ли натянута.

Первый надзиратель. Тугая. Точно поперек дороги. Низковато немного, надо бы выше, этак на середине бедра

Второй надзиратель. Э, нет, ты уж не спорь, я это дело знаю. Ежели так высоко, он просто остановится и обойдет либо назад

побежит. Нужно чуть пониже колена. Тогда запнется и упадет, а мы навалимся раньше, чем успеет подняться. Он ведь будет быстро идти. Пока ты соберешься меня держать, я уж буду сидеть у него на голове.

Первый надзиратель. Вот черт, даже покурить нельзя. Уильямс, ты как, за то, чтобы им давать курево?

Второй надзиратель. В общем да. Они тогда поспокойней, ну, и нам легче. Я бы им давал две трубки в неделю, а станут шебаршить, лишал бы. Тут есть один-два парня совсем приличных, я даже к ним привязался. Им бы я хоть каждый день давал покурить. Тсс! (Прислушиваются. Шепотом.) Шаги!

Первый надзиратель. Да.

Второй надзиратель (все еще шепотом). Слушай. Когда он подойдет, я пушу ему свет в глаза и сразу выключу. Он бросится бежать - и кувыркнется. Приготовься.

Слушают.

Первый надзиратель. А вдруг это не он? Второй надзиратель. Все равно рискнем. Дам свет...

Минута напряженного ожидания. Непроглядный мрак, тишина. Шаги слышны все ближе.

Ну! Даю!

Включает фонарик. В ярком снопе света видна фигура Мэтта, шагающего по дороге. Свет гаснет. Оба надзирателя бросаются вперед. Снова мрак; звуки борьбы.

Голос второго надзирателя. Я его поймал! Полузадушенный голос первого надзирателя. Дурак! Пусти! Ты не его, ты меня поймал!

Занавес падает.

ЭПИЗОД ТРЕТИЙ

Спустя тридцать два часа. Спальня в гостинице у Ту-Бриджес. В задней стене два длинных, до полу, окна, выходящих на балкон и задернутых шторами. Темно, только сквозь шторы проникают полосы утреннего света. Между окнами, изголовьем к задней стене, кровать. У правой стены туалетный столик и стул. У левой, в глубине, - умывальник. У той же стены, ближе к рампе, дверь,

открывающаяся внутрь. В изножье кровати - стул, на нем женское белье. На спинке кровати - женский халат. На полу, слева от кровати,

ночные туфли.

В постели спит молодая дама, остриженная по моде. Слышен стук в дверь.

Дама (сонно). Войдите.

Входит горничная с кувшином горячей воды, ставит его на умывальник.

Горничная. Половина восьмого, сударыня.

Дама (зевая). А как погода?

Горничная. Все еще туман. Будете брать ванну, сударыня?

Дама. Да. Ах, кстати. Сегодня вечером возвращается мой муж. Я договорилась, чтобы нас опять перевели в двойной номер.

Горничная. Да, сударыня. Мне уже сказали. (Она отдернула шторы на левом окне и теперь, обойдя кровать, отдергивает их на правом.) Этот сбежавший арестант, сударыня, - его еще не поймали.

Дама. Все еще нет? Подумайте!

Горничная. Это все из-за тумана. Он уже почти двое суток в бегах. Говорят, это тот самый молодой человек, что убил сыщика в Хайд-парке. Еще о кем в газетах писали.

Дама. О! Тот самый капитан Деннант! Помню, как же. Ну, если он, то не так страшно, могло быть хуже.

Горничная. Да его непременно поймают - никому еще не удавалось.

Дама. Не удавалось?

Горничная. Никогда! Разве допустят?

Дама. Но, может быть, в таком тумане...

Горничная. А видите, сударыня, им же нужно есть и платье нужно себе добыть, - вот тут-то их и ловят.

Дама (зевает). Противный туман! Ни верхом покататься, ни рыбу половить, даже гулять нельзя. И вставать-то не хочется.

Горничная (холодно). Как вам угодно, сударыня.

Дама (со смехом). Да уж, видно, придется.

Горничная. Я пойду приготовлю ванну.

Дама. Благодарю вас.

Горничная уходит. Дама встает с постели, одетая в ночную пижаму, нащупывает ногой туфли, набрасывает на себя халат. Идет к окну, выглядывает наружу.

Окно на ночь было оставлено полуоткрытым, на крючке.

Дама. Фу! Ну и погодка!

Берет с умывальника губку и мохнатое полотенце, идет к двери, выходит. Едва дверь затворилась, как под кроватью, в том месте, где она примыкает к стене, слышится шорох. Затем из-за оконной шторы осторожно высовывается Мэтт Деннант, быстро оглядывает комнату, выходит, потягивается. Лицо у него

осунувшееся, одежда мокрая, измятая, башмаки он держит в руке. Мэтт (бормочет). Дама! Вот так история! Надо смываться.

Идет к окну, украдкой выплядывает, отпрядывает, с трудом переводя дыхание.

Еще раз оглядев комнату, делает шаг к двери в левой стене.

Голос дамы (за дверью). Не могу я брать холодную ванну!

Мэтт прижимается к стене так, чтобы быть за дверью, если ее откроют. И

внезапно ее открывают.

Голос дамы (в дверях). Позовите меня, когда вода нагреется.

Голос горничной (издали). Слушаю, сударыня.

Дама возвращается. Открывая дверь, она нажала ручку правой рукой, затем, войдя, притворила дверь левой, как это и естественно, и прошла в глубь комнаты, не заметив прижавшегося к стене Мэтта. Она идет к туалетному столику, садится, берет щетку, чтобы пригладить свои короткие волосы. Мэтт быстро прокрадывается к двери, он уже взялся за ручку, но дама видит его отражение в зеркале, роняет щетку и круто поворачивается, готовая

вскрикнуть.

Мэтт. Тсс! Не бойтесь!

Дама. Кто... Как... Как вы смели зайти ко мне в комнату?

Мэтт снимает руку с дверной ручки и поворачивает ключ в замке.

Мэтт (тихо). Простите, ради бога, мне так совестно, что причинил вам беспокойство.

Она вдруг понимает, что перед ней бежавший заключенный.

Дама. Вы этот... (Бросается к окну позвать на помощь, но ее останавливает жест Мэтта).

Мэтт. Прошу прощения, но не могли бы вы умерить ваш голос до пианиссимо?

Дама (настороженно). Что вам здесь нужно?... Как вы вошли?

Мэтт. Я давно лежал тут под кроватью. Несколько часов. Я, видите ли, не имел возможности определить, что попал к даме.

Дама. Вы это про мои волосы?

Мэтт. О нет! Их я не мог разглядеть в темноте.

Дама. Или я храпела?

Мэтт. Нет. Но это не такой уж надежный признак. Я вот тоже не храпел, а то вы бы меня слышали.

Дама. Как? Вы, значит, спали?

Мэтт. Боюсь, что да. Конечно, если бы я знал...

Молчание

Дама. Вы ведь, кажется, джентльмен - так не думаете ли вы теперь уйти?

Мэтт. Рад бы всей душой, но... куда?

Дама. Вот уж этого не могу вам сказать.

Мэтт. Посмотрите на меня! Куда покажешься в такой одежке?

Дама. А вы рассчитываете, что я вам одолжу другую?

Мэтт. Нет, это навряд ли. Но я буду вам несказанно благодарен, если вы дадите мне чего-нибудь поесть.

Дама (выдвигает ящик туалетного столика и достает плитку шоколада). Вы, однако, довольно развязны, как я попляжу. А ведь по-настоящему я должна бы позвонить и передать вас полиции.

Мэтт. Да. Но этого вы не сделаете. Вы славный человечек, сразу видно.

Дама (невольнo польщена). Я знаю, кто вы. Ваше имя было в газете. Но подумайте о моем положении!

Мэтт. Боюсь, я сейчас могу думать только о своем.

Дама. Допустим, я вас не выдам, но как вы уйдете отсюда незамеченным?

Мэтт. Можно мне этот шоколад?

Дама (протягивает ему плитку, которую держит в руке). Неважный. Здесь куплен.

Мэтт. Я сейчас не очень разборчив. Сорок часов ничего не было во рту, кроме кусочка хлеба и двух сырых картошек. (Берет плитку, откусывает, остальное прячет в карман.) Простите, можно, я попью воды?

Дама. Пожалуйста!

Мэтт идет к умывальнику. Едва он повернулся к ней спиной, как она срывается с места, но не бежит к окну или двери, чтобы позвать на помощь, а схватив со стула свой корсет и прочие принадлежности туалета, поспешно прячет их под одеяло; затем возвращается к туалетному столику. Мэтт с жадностью пьет.

Мэтт (снова поворачивается к ней). Хорошо! Случалось вам быть в положении дичи, за которой охотятся? (Она отрицательно качает головой.) Ну и не дай вам бог. Зайцу, когда его травят, и то легче. Все тело ноет.

Дама (заинтересована против воли). А вы знаете, что вы всего в трех милях от тюрьмы?

Мэтт. Знаю. В первую ночь я думал к утру добраться до Эксетера, а где оказался? В одной миле от того места, откуда вышел. Кружил. В тумане всегда так. Что это там, бритва?

Дама (чопорно). Моего мужа.

Мэтт берет бритву.

Нет! Всему есть предел, капитан Деннант. Я не могу давать вам оружие.

Мэтт. Нет, конечно. Но, может быть, вы разрешите мне побриться? Понимаете, в таком виде (проводит рукой по щеке) у меня нет ни малейших шансов, даже если б я достал одежду. Ничто так не привлекает внимания, как трехдневная щетина. (Говоря это, он проворно намывает лицо без помощи кисточки.) Я очень быстро бреюсь. Три минуты - и все. Тридцать два с половиной взмаха.

Дама (разинув рот от изумления). То есть, позвольте!.. У меня! Да как вы! (Прижимает руку к горлу. Короткая пауза.) Я... я хотела сказать... как вас за это время не поймали?

Мэтт (усердно скребя подбородок бритвой). Два раза всего на пятнадцать шагов опережал гончих.

Дама. Гончих?

Мэтт. В человеческом образе. Почти уже был у них в зубах. (Со стоном.) Ох! Что может быть хуже, чем вот так бриться!

Дама. Ну, знаете!..

Мэтт. Кроме, конечно, как остаться небритым,

Дама. Как вы сюда попали?

Мэтт. А видите, я так стосковался по сухой ночевке, что спрятался возле дома и стал ждать, когда во всех окнах погаснет свет.

Пробовал в нижний этаж - заперто. Тогда прыгнул, хотел уцепиться за угол балкона - и грохнулся. Вы не почувствовали ночью чего-то вроде землетрясения? Нет? Я почувствовал. Когда пришел в себя, еще раз попытался - по колонне. Удалось. Ваше окно я выбрал, потому что оно было открыто, я потом опять заложил его на крючок и сразу заполз под кровать. Думал стянуть что-нибудь из одежды и уйти еще до рассвета, но проснулся, только когда вошла горничная. (Дама показывает ему на полотенце; он мочит его в воде и обтирает лицо.) Простите, я надену башмаки. (Нагнувшись, обувается.)

Дама. И вы так и спали... у меня под кроватью?

Мэтт. Увы! Так-таки и спал.

Дама. Ну, знаете!.. Это просто неслыханно!

Мэтт. Будет, если мне удастся улизнуть. Никому еще не удавалось.

Дама. Скажите, капитан Деннант, вы не с моим ли братом учились в Харчестере? У него вечно был на языке какой-то Мэтт Деннант, замечательный, по его словам, бегун.

Мэтт. Очень возможно. Со мной училось множество чужих братьев. Как его фамилия?

Дама. Ну нет. Это уж лишнее.

Мэтт. Правильно. Никогда не говори арестанту того, что он может повторить другим.

Дама. Я, право, не знаю, чем я могу вам помочь.

Мэтт. К несчастью, и я не знаю.

Дама. Я читала отчеты о вашем процессе.

Мэтт (встает). И, конечно, считаете меня отпетым негодяем? (С горечью.) Знаете, чем я главным образом занимался в тюрьме? Вел воображаемые споры с разными добродетельными особами.

Дама (с улыбкой). И думаете, что сейчас перед вами одна из них?

Мэтт. О нет, этого я никак не думаю. То есть... Простите! Ну вы понимаете, что я хочу сказать. Но большинство-то записали меня в преступники.

Дама. А это правда - то, что вы говорили на суде?

Мэтт. Как перед богом.

Дама. Возможно, они в самом деле чересчур грубы с этими девушками.

Мэтт. Да. Но, знаете, я даже не был особенно раздражен. И после страшно жалел этого беднягу.

Дама. Так как же нам теперь быть, капитан Деннант?

Мэтт. Вы очень добры, я не хотел бы этим злоупотреблять. Но в таком виде мне отсюда не выбраться.

Дама. Почему?

Мэтт (кивает в сторону окна). Очень уж они заботливые. Выставили там пикет.

Дама идет к окну, выплядывает. Снова поворачивается к Мэтту и видит, что он улыбается.

Мэтт. О нет, я не боялся. Своих не выдают.

Дама. Гм! Я не так уж в этом уверена. Попади вы к кому-нибудь другому в нашем коридоре, например, к той супружеской чете, что со мной рядом, - вы бы, пожалуй, этого не сказали.

Стук в дверь. Оба настораживаются.

Дама. Да-а?

Голос горничной. Вода согрелась, сударыня.

Дама. Хорошо. Благодарю вас. (Прикладывает палец к губам.) Она не могла нас слышать, как вы думаете?

Мэтт. Надеюсь, что нет. (Подойдя ближе.) Бесконечно вам благодарен. Вы не знаете, какое это счастье - после года там поговорить с женщиной своего круга. Не бойтесь, я не оставлю следов.

Дама. Что вы хотите делать?..

Мэтт. Подожду, пока он отвернется, прокрадусь вдоль балкона, спрыгну на том углу и - опять в бега.

Дама. Вы все еще хороший бегун?

Мэтт. Неплохой, если бы только не ломило так все кости.

Дама (после долгого взгляда на Мэтта). Нет! Слушайте. Я сейчас пойду в ванную и по пути проверю, нет ли кого внизу. Если не вернусь, спускайтесь по лестнице, она как раз напротив. Внизу на вешалке висит макинтош моего мужа и там же удочки, корзинка для рыбы и шляпа. Макинтош длинный, коричневый, в пятнах, в шляпе коробочка с наживкой. Берите все, оденьтесь и выходите через парадное. К реке - налево вниз. Умеете ловить рыбу? (Мэтт кивает.) Ну вот, так и сделайте. Ванная не с той стороны, я вас не увижу. Но вы посвистите эту песенку - "Будьте так любезны, леди" - знаете?

Мэтт. Еще бы! Единственная, которая проникла в тюрьму. Ну! У меня нет слов выразить свою благодарность. Вы просто молодчина! (Протягивает ей руку.)

Дама (пожимает ему руку). Желаю удачи. (Проходит мимо него к двери.) Постойте! (Достает из стола фляжку.) Вот, возьмите. Если заметите, что на вас смотрят, пейте. Это внушает доверие, - когда человек пьет.

Мэтт. Чудесно! А что вы скажете мужу?

Дама. Гм! Да. Он сегодня возвращается. Ну, уж там как хочет, а что я сделала, то сделала. Да, и вот вам еще два фунта. Больше у меня здесь нет. (Достает две кредитки из своей сумочки.)

Мэтт (тронут). Господи! Вы божество!

Дама. Боюсь, это подвержено сомнению.

Мэтт. Если меня поймают, я, разумеется, скажу, что я все это украл. А если проскочу, я непременно...

Дама. А, не беспокойтесь об этом. Станьте за дверь.

Мэтт становится, как раньше, она растворяет дверь, выходит. Через мгновение

возвращается.

Дама. Путь свободен!

Уходит, затворив за собой дверь, Мэтт оглядывает комнату, не осталось ли следов, и тихонько идет к двери. Он уже взялся за ручку, как вдруг дверь отворяется и в комнату заглядывает горничная. Мэтт едва успел отскочить и прижаться к стене. Горничная стоит на пороге, с любопытством оглядываясь,

как бы ища кого-то или что-то.

Голос дамы (издали). Эллен! Будьте добры, сходите за моим костюмом, который я вчера отдала сушить.

Горничная (вздвогнув). Сейчас, сударыня.

Уходит, затворяя за собой дверь.

Мэтт только успел испустить вздох облегчения, как дверь вновь открывается и появляется дама.

Дама (видя, что он тяжело дышит). Да. Острые переживания! (Шепотом.) Ну! Скорей!

Мэтт пробегает мимо нее. Она мгновение стоит, потом откидывает одеяло, берет свое белье, идет к окну, растворяет его

пошире, стоит, прислушиваясь. Через полминуты издали слышно слабое насвистывание - первые такты песенки

"Будьте так любезны, леди".

Дама (размахивая чулком, как шляпой; вполголоса). Ура! Проскочил!

Насвистывая "Будьте так любезны, леди", она весело идет к двери и по дороге встречается с горничной, которая несет отглаженный костюм. С задорным взглядом в ее сторону, продолжая свистеть, проходит мимо, оставляя горничную

в полном недоумении.

Занавес падает.

* ЧАСТЬ ВТОРАЯ *

ЭПИЗОД ЧЕТВЕРТЫЙ

Прошло семь часов. Открытый склон над рекой, поросший травой и папоротником. Это Дартмит - живописный, но уединенный уголок, куда редко заглядывают

туристы. Мэтт, пробиравшийся все утро вдоль реки, сидит на корточках; рядом на траве его улов - восемь небольших форелей. Мэтт доедает шоколад, затем старательно пьет из давно опустевшей фляжки. Это в данный момент необходимо, так как к нему направляется некий пожилой джентльмен в твидовом костюме.

Мэтт начинает развинчивать удочку.

Пожилой джентльмен (подходит слева). Добрый день! Смотрите, как разъяснило! Для вас, рыболовов, пожалуй, и некстати.

Мэтт. Да, теперь уж вряд ли что поймашь.

Пожилой джентльмен. Самое тонкое блюдо - вот эти коричневые форельки. Кроме, пожалуй, голубых тирольских. "Blaue Forellen" {Голубые форели (нем.).} с маслом и картофелем да еще бутылочку Voslauer Goldeck {Сорт вина (нем.).}, не дурно бы, а?

Мэтт. Чего лучше! (Голодными глазами смотрит на своих форелей.)

Пожилой джентльмен (искоса к нему приглядываясь). А с утра-то какой был туман! Самое неприятное в этих местах - вечные туманы. Только для заключенных хорошо, да?

Мэтт (подавляя невольное движение испуга). То есть если вздумают сбежать? Но ведь, кажется, никому не удавалось.

Пожилой джентльмен. Да, говорят, не удавалось. Но они все-таки пытаются, - все-таки пытаются. Я часто думал, как бы я поступил, если бы наткнулся на беглого?

Мэтт. Да, сэр, это проблема.

Пожилой джентльмен (садится на свое пальто). С одной стороны, закон, а с другой - естественная гуманность джентльмена, если только это прилично джентльмену - поощрять уголовных преступников. Вот и не знаешь!

Мэтт (разгорячись). Тот, кто решился бежать, - это, во всяком случае, смелый человек. Он идет на большой риск.

Пожилой джентльмен. Н-да, беглецу у нас не позавидуешь, - мы законопослушная нация. Я прошлым летом ездил в Америку, - о, это крепкий народ! - и, знаете, меня поразила разница: с законом они очень мало считаются, но весьма чувствительны к моральному несовершенству в других. Бывали в Америке?

Мэтт. Перед войной у меня было ранчо на Дальнем Западе.

Пожилой джентльмен. Вот как! Ну, если судить по кинокартинам, там и сейчас в моде уклоняться от правосудия. Я лично предпочитаю более упорядоченные страны.

Мэтт. Я в этом деле не судья. Сам бежал из Германии во время войны.

Пожилой джентльмен. Да что вы! Это великолепно!

Мэтт. Если хочешь похудеть. Радикально излечивает тучность. Побег из лагеря - это, знаете ли, не пикник.

Пожилой джентльмен. Надо полагать! Где вы перешли границу?

Мэтт. В Голландии. После трех дней и трех ночей на брюкве и свекле. Пробовали когда-нибудь брюкву в натуральном виде? Могу вас заверить, это не слишком утонченное блюдо. А свекла, пожалуй, еще похуже. Кстати, из здешней тюрьмы третьего дня один бежал.

Пожилой джентльмен. Да, я знаю. Некто капитан Мэтт Деннант. Я в свое время с большим интересом следил за его процессом. Каверзное дело, по-моему. А ваше какое впечатление?

Мэтт (настораживается). Что-то не помню.

Пожилой джентльмен. Ну как же! Убийство в Хайд-парке.

Мэтт. А, да. Там еще была девушка. По-моему, следовало подождать, пока он пожалуется.

Пожилой джентльмен. Этот агент, без сомнения, выполнял свой долг. И все-таки! Не опасно ли давать полиции такие полномочия и целиком полагаться на их такт при решении моральных вопросов? Полицейские в конце концов такие же люди, как и мы, а у нас - гм! - у большинства нет такта, а у остальных нет морали. Тот молодой человек ведь, кажется, не жаловался? Не помните?

Мэтт (скрывая беспокойство). Он, кажется, утверждал, что она интеллигентная девушка.

Пожилой джентльмен вынул портсигар и протягивает его Мэтту.

Пожилой джентльмен. Не угодно ли? Мэтт. Очень благодарен. Я усвоил себе дурную привычку - выходить из дому без табака.

Откусывают кончики и закуривают.

Пожилой джентльмен. Гуляешь вот так - и вдруг наткнешься где-нибудь на этого беглеца. Что тогда делать? Ведь это вроде встречи с гадюкой. Бедняжка ничего не хочет, как только убежать от вас. Но если не переломить ей хребет, она, того и гляди, ужалит собаку. У меня две собаки подошли от змеиных укусов. Пожалуй, наш долг его задержать - как вы считаете?

Мэтт. Вероятно. Но я не всегда делаю то, что должен.

Пожилой джентльмен. Да? Очень рад. Я тоже.

Мэтт. Видали вы здешнюю тюрьму? Довольно безобразное здание - дурной архитектурный стиль.

Пожилой джентльмен. Нет, этой не видал. Должен вам сказать, я в свое время имел несчастье многих людей отправить в тюрьму. Вот тогда я считал своей обязанностью посещать тюрьмы. И присяжным всегда давали пропуска, чтобы пошли посмотрели, куда посылают своих ближних. Однажды проверил, были они там или нет, и, знаете, из троих присяжных - нет, из четверых - сколько имели любопытство, как бы вы думали?

Мэтт. Ни один.

Пожилой джентльмен. О, это уж слишком пессимистично. (Бросает на Мэтта быстрый боковой взгляд, как птица.) Нет. Один. Ха!

Мэтт. Да кому охота смотреть на заключенных? Я бы скорее пошел смотреть трупы в морге. Те по крайней мере не живые.

Пожилой джентльмен. Но теперь, говорят, в тюрьмах стало гораздо лучше. Более человеческое обращение.

Мэтт. Да что вы? Вот замечательно! С каких же это пор?

Пожилой джентльмен (зорко поглядывая на него). Ну, во всяком случае, бубновый туз упразднен. И головы им, кажется, больше не бреют. У вас никогда не было знакомых среди заключенных?

Мэтт (он сидит как на иголках). У меня? Нет. Только один.

Пожилой джентльмен. А! И что же - интересный был человек?

Мэтт. Самый интересный из всех, кого я знаю.

Пожилой джентльмен. Ха! Допустим, сейчас перед нами появился бы этот беглый. (С жестом в сторону Мэтта.) Вот вы - что вы бы сделали?

Мэтт. Удрал бы со всех ног.

Пожилой джентльмен. Гм! Да. Пожалуй. Тут, вероятно, все зависит от того, нет ли еще кого поблизости! На этот счет мы... гм!.. весьма щепетильны. А как вам нравится здешний климат? Говорят, очень здоровый. Дартмур этим славится.

Мэтт. Напрасно, по-моему.

Пожилой джентльмен. Хорошо знаете эти места?

Мэтт. Нет. Я здесь первый раз.

Пожилой джентльмен. И долго думаете пробыть?

Мэтт. Надеюсь, что нет.

Пожилой джентльмен. Живописный уголок этот Дартмит.

Мэтт. Мне больше нравится Ту-Бриджес. (Начинает укладывать удочки, насвистывая "Будьте так любезны, леди".)

Пожилой джентльмен. А! На какую наживку брали?

Мэтт. Да просто на блесну.

Пожилой джентльмен. Давно уж я не рыбачил. (Видя, что Мэтт провел рукой по лбу под шляпой.) Что? Вам нехорошо?

Мэтт. Да... Боюсь, табак слишком крепкий. Превосходная сигара, я курил с наслаждением, но я вышел без завтрака, а знаете, на пустой желудок... (С огорчением смотрит на недокуренную сигару и бросает ее.)

Пожилой джентльмен. Ах, да, да, бывает. Со мной вот тоже так было - на банкете Королевской Академии - и как раз перед тем, как мне говорить речь. (Снова бросает на Мэтта боковой птичий взгляд.) Я всегда думал, что отсутствие табака - это одно из самых больших лишений в тюрьме. Вы, вероятно, сами это испытали в... в Германии?

Мэтт (тяжело дыша и заканчивая укладку удочек). Ну... Табачок у нас иногда бывал.

Пожилой джентльмен. И пустые желудки тоже?

Мэтт. Да.

Пожилой джентльмен. Мы должны быть вечно благодарны тем, кто это перенес. (Протягивает ему портсигар.) Может быть, еще попробуете - после чаю? Знаете, такой солидный чай, как здесь подают, - со сливками, с джемом?

Мэтт. Ну что ж, очень вам благодарен, сэр. В следующий раз, может быть, осилю.

Мэтт кончил укладку и жаждет поскорее уйти, так как ему становится все более не по себе с этим пожилым джентльменом. Берет корзинку, складывает в нее

рыбу.

Пожилой джентльмен. Да, так-то вот. (Встает.) И мне пора. Очень рад был с вами познакомиться. Получил огромное удовольствие. В моем возрасте не часто выпадает случай испытать совершенно новые ощущения.

Мэтт (в замешательстве). Помилуй бог, сэр! Неужели это я вам их доставил?

Пожилой джентльмен. А как же! Мне ведь никогда еще не доводилось беседовать с заключенным, бежавшим из... из Германии.

Мэтт. До свидания, сэр.

Пожилой джентльмен. До свидания, капитан Деннант. (Мэтт отшатывается.) Надеюсь, ваше маленькое путешествие закончится благополучно, тем более, что свидетелей нашей беседы, кажется, не было.

Мэтт (смотрит на него во все глаза). Простите, сэр, но не скажете ли вы мне, что навело вас на эту мысль?

Пожилой джентльмен. Охотно. Во-первых, то, как вы смотрели на ваших форелек, - этаким, знаете, волчьим взглядом. А потом - извините - ваши ноги.

Мэтт (отворачивает полу макинтоша и разглядывает свои ноги). Да-а. А я-то надеялся, что вы сочтете меня одним из законодателей моды.

Пожилой джентльмен. И еще - ваше явное сочувствие самому себе.

Мэтт. Тюремная привычка, сэр. Сочувствовать другим там не дозволено из страха вредных влияний. Пока я не попал за решетку, не

помню, чтобы я когда-нибудь жалел себя. А теперь вряд ли буду способен жалеть кого-нибудь другого.

Пожилой джентльмен. Это, я думаю, вполне естественно. Но так или иначе, а наша встреча была для меня весьма поучительна, потому что теперь я по крайней мере знаю, как мне следует поступить в подобном случае.

Мэтт (насторожился). И как же именно - если это не слишком нескромный вопрос?

Пожилой джентльмен. А видите, капитан Деннант, на этот раз - только на один этот раз - посмотреть сквозь пальцы. Счастливого вам пути!

Мэтт. Счастливого оставаться, сэр. Это... это так благородно с вашей стороны. На минуту я почувствовал себя человеком.

Пожилой джентльмен. Знаете, и я тоже. Какое-то такое... родственное чувство. Первородный грех, вероятно. Прощайте!

Уходит, поглядывая на дымок от своей сигары и тихонько улыбаясь. Мэтт

смотрит ему вслед, растроганный его добротой.

Занавес падает.

ЭПИЗОД ПЯТЫЙ

Прошел час. На пригорке среди вересковых зарослей. Двое мужчин и две женщины, приехавшие в стоящем поодаль "Форде", сидят на траве и закусывают. Один из мужчин, лет пятидесяти, в синем костюме, смахивает на моряка торгового флота; возле него на траве концертину. Другой, лет на пять старше, похож на лавочника. Одна из женщин - его жена, добродушная толстуха сорока лет. Другая - сестра лавочника, сухопарая старая дева. Все принаряжены для праздника. Едят с жадностью.

Жена. Капитан, вы же прямо пророк! До чего было паршиво, когда мы выезжали из Ашбертона, а сейчас какая погодка - прелесть! (Ест.)

Капитан. Старому моряку - да не разобраться с "погодой" - этого, сударыня, не бывает. (Пьет.)

Жена. Я утром Пинкему так и сказала: "Верь, - говорю, - капитану", правда, папочка? (Лукаво.) Я-то, положим, и сама знала, - мозоли у меня нисколечко не болели.

Сестра. Это неприлично, Фанни,

Жена. Ну вот еще! У кого нет мозолей, скажи, пожалуйста? Скушай еще розанчик, Долли, и не расстраивайся. Не налегай ты так на крем, папочка, - и то уж глаза у тебя, смотри, какие желтые.

Лавочник. Когда я только приехал в Девоншир, я мог полфунта крема за один раз усидеть.

Жена. Да, и на всю жизнь испортил себе характер.

Лавочник. Долли, разве у меня плохой характер?

Сестра. Так себе, Джемс.

Лавочник. А по-вашему, капитан?

Капитан. Для жены, может, и плохой. А вне лона семьи вы сущий херувим.

Жена. Ах, капитан, почему вы так ненавидите женщин?

Капитан. Прирожденный холостяк, сударыня.

Жена. С женой в каждом порту, а?

Сестра. Фанни! Право же, это неприлично. И так старомодно!

Капитан. Вы тоже так считаете, сударыня?

Жена. Вы уж не расстраивайте Долли, капитан. Ой! Жук! Вон у меня на юбке! Непонятный какой-то: я таких никогда не видела.

Капитан. Ну так убейте его.

Жена. Почему?

Капитан. Всегда надо убивать, что непонятное.

Жена (сбрасывает жука с юбки). Да это просто божья коровка - бедняжечка! Сыграйте нам, капитан.

Капитан извлекает протяжный вопль из своего концертного.

Ой! Кто это?

Мэтт, в макинтоше, с корзинкой и удочкой, подошел слева и, остановившись, приподнимает шляпу.

Мэтт. Здравствуйте! Простите, не можете ли вы мне указать, как пройти в Бови?

Лавочник. В Бови! Далеконько же вам идти, сэр, - миль двенадцать, когда не больше.

Мэтт. Да что вы! Неужели?

Лавочник. Сперва вниз через Понсуорси на Уайдкомб, потом опять вверх, потом налево, а там еще спросите.

Мэтт. Понимаю. А будет там кого спросить?

Лавочник. Наверяд ли.

Капитан. Много наловили, сэр?

Мэтт (открывает корзинку). Восемь. Не очень крупных.

Жена. Ах! Славненькие какие! А уж вкусные!

Мэтт. Разрешите вам предложить?

Жена (жеманясь). Ах, что вы, мне совестно, - такая любезность!

Капитан. Не отказывайтесь, миссис Пинкем. Здешние форели, да после хорошей прогулки, - пальчики оближешь!

Сестра (свысока). Слишком, я бы сказала, любезно со стороны незнакомою.

Жена (вдруг решившись). Ну и что ж такого, если от чистого сердца. Дай-ка мне "Дэйли Мейл", папочка, я их заверну. И большое вам спасибо. Премного обязана.

Мэтт. Вот и прекрасно. (Передает ей рыбу.) Погода как разгулялась! Вы издалека?

Лавочник. Из Ашбертона - десять миль.

Мэтт. Что у вас там слышно о бежавшем заключенном?

Лавочник. А что такое? Я уж два дня газет не читал.

Жена. Неужто еще один сбежал? Страсти какие!..

Мэтт. Позавчера ночью. Скрылся в тумане.

Сестра. Я прямо вся дрожу, как подумаю, что кто-то из этих ужасных людей разгуливает на свободе. Спать нельзя спокойно!

Капитан. Да вы не волнуйтесь так уж очень, дамочка. Долго ли ему еще гулять-то!

Жена (просматривая газету). Смотри-ка! Это, оказывается, тот самый, что убил бедного сыщика в Хайдпарке! Вот негодяй! Тут написано, что его уже два раза чуть не поймали.

Мэтт все время внимательно смотрит на них, но еще внимательней посматривает на булку и старается занять такое положение, чтобы удобней было ее присвоить.

Лавочник. Все должны помогать, чтобы его скорей поймали. Это же форменный разбойник. И зря ему на суде мирволили. Я этой девке ни в одном слове не верил.

Сестра. Еще бы поверить!

Лавочник. И ему самому тоже. Чего они туда ночью забрались? Ясно, не за хорошим делом! В лондонских парках, говорят, черт-те что творится.

Капитан. Н-да, это вам не воскресная школа.

Жена. Фи, капитан!

Сестра (едко). А ведь были такие, что ему сочувствовали. Надо же!

Мэтт. Между прочим, и я в том числе, если это не покажется вам слишком эксцентричным.

Лавочник. Вы? Это почему же?

Мэтт. Мне кажется, ему просто не повезло.

Лавочник. Ну да, есть такие добренькие - всегда против смертного приговора. Дрянь какую-нибудь, которая мужа уколошила, и то нельзя спокойно повесить: сейчас крик поднимут. Взять хоть бы этот процесс - вот, недавно, такую петицию состряпали, в два фута длиной.

Капитан. А, да. Тот парнишка был стюардом на пароходе. А вот про это в Хайд-парке - я что-то не помню.

Жена. Ну как же! Сыщик арестовал одну из этих девиц, с которой тот сидел, - джентльмен еще, заметьте! - ну, он и трахнул беднягу по голове, череп ему проломил, тот и помер.

Капитан. Так почему ж его не вздернули?

Мэтт. Присяжные решили, что это была простая драка, а не сопротивление при аресте. Кроме того, сыщик, падая, ударился головой о решетку на Роттен-Роу, и врачи определили, что смерть последовала от сотрясения мозга.

Лавочник. Ну, это еще не причина, чтобы давать ему потачку. Он же его ударил, верно? Кабы не ударил, тот бы не упал.

Мэтт. Безусловно! Блестящая логика. Но если бы тот его не схватил, он бы его не ударил.

Лавочник. Все равно. Я бы его повесил.

Жена. Не будь таким кровожадным, папочка!

Лавочник. Повесил бы! Бить полицейского за то, что он исполняет свой долг! Да еще сидеть с женщиной в парке! Он из господ был, вот почему дешево отделался!

Мэтт. А вы не думаете, что это предрассудок?

Лавочник злобно смотрит на него, но, решив, что Мэтт тоже джентльмен и не

может быть беспристрастным, он только слегка фыркает.

Сестра. А женщину эту засадили? Мэтт. За что, сударыня?

Сестра. Я бы их всех пересадила, - знали бы тогда, как соблазнять молодых мужчин, мерзавки! Мэтт (невольно). Ч-черт!

Все уставились на него. Потом лавочник говорит самодовольно.

Лавочник. А меня вот ни одна еще не соблазнила.

Мэтт. Весьма вероятно. Я вижу, у вас "форд". Как вы находите: годится он для такой местности?

Лавочник (сухо). Годится.

Мэтт. Не сдает на подъемах?

Лавочник. Нисколечко. Берусь на своей машине любого белого догнать уж от меня не уйдет!

Мэтт. Не уйдет? (Его внезапно осеняет какая-то мысль.) Превосходно!

Жена. А не пора ли нам домой? Давайте-ка собираться. Передайте мне чайник, капитан. Долли, ну что ты подбираешь эти объедки? Корки, пирог недоеденный, кому это нужно? Брось, пусть лежат. Я хочу быть дома до темноты. Тут этот беглый где-то бродит, ищет, чем поживиться, того и гляди, на нас выскочит.

Мэтт украдкой подбирает остатки хлеба и прячет в карман.

Мэтт. До свидания! Надеюсь, вам понравится моя форель.

Отходит вправо.

Жена и капитан (вместе). До свидания! До свидания, сэр!

Мэтт прикладывает руку к шляпе и скрывается из виду.

Сестра. Фанни! Ты видела? Он подобрал объедки!

Жена. Ну вот еще! Глупости! Он джентльмен - слышала, как разговаривал?

Сестра. Я своими глазами видела - два кусочка пирога и розанчик.

Слышен шум мотора.

Лавочник. Это еще что! (Вскакивает.) Что он там делает с "фордом"?

Капитан. Эй, там! Послушайте! Сэр!

Лавочник. В машину сел. Эй! Стой!

Сестра. Грабитель! Все. Стой! Стой! Стой!

Гул тронувшейся машины и отдаленный возглас "Проща-айте!". Мужчины бегом

бросаются в ту сторону.

Жена. Ах, страсти! А я-то...

Сестра. Да! Ты-то! Еще рыбу у него взяла! Как будто не видно, что он вор! А-а! А-а! Ну да! Конечно! Это он!.. Ой! Ой!

Жена. Да не ори ты, Долли. Как мы теперь домой попадем?..

Мужчины бегом возвращаются. Оба запыхались.

Лавочник. Ну и нахал! Ну и хулиган!

Капитан. Ах, черт побери! (Садится и, упершись руками в колени, раздражается хриплым смехом.)

Сестра. Как вы можете! Как вы можете, капитан! А мы еще все время о нем говорили!

Капитан (разом перестает смеяться). Что! Он?..

Сестра. Конечно! Этот самый беглый! Видали, что у него на ногах? Джентльмены такое не носят.

Капитан. Как! Неужели вы - вы, сударыня! - смотрели на его ноги?

Жена. Это все ты виноват, Пинкем, ты и Долли! Ругать его вздумали! Кабы не ругали, он бы и машину не спер. А то раскричались: повесить его, повесить! Вот он и обозлился. Я же видела!

Лавочник. Ты сама сказала про него: негодяй. Ну ладно. Бови - по крайности знаем, где его искать.

Капитан. Да это он нарочно. А сам туда и не поедет.

Лавочник. А я говорю, поедет.

Капитан. А я говорю, не поедет.

Лавочник. Догадается, что мы не поверили, и как раз туда и катнет.

Капитан. Нет, он догадается, что мы догадались, и носу туда не сунет.

Жена. Ой! Мозоли как разболелись!

Сестра. Наглость какая, - еще рыбу нам подарил!

Капитан. Ну что ж теперь делать? Остается собрать манатки да и топтать пешочком, пока кто-нибудь не подвезет.

Жена. У меня мозоли, я не могу пешком. :

Капитан. Веселей, дамочка! Покажем, что мы англичане.

Лавочник. Англичане! Вам-то легко говорить: это не ваша машина.

Капитан. Не горюй, старина! Доедет до места - бросит ее в канаве.

Лавочник. До места! А где оно, место, - может, на краю света!

Капитан. Эх! Идемте, сударыня. Выше поднимайте свои мозоли!

А я вам сыграю.

Они собрали вещи и уныло бредут вправо, оставив после себя разбросанные

бумажки.

Жена. Ай! Рыбу забыли!

Сестра. Рыбу! Нет уж, извини, - это ниже моего достоинства!

(Презрительно фыркает.)

Жена. Глупости, Долли! Такие форели в Ашбертоне пять шиллингов стоят. Пусть хоть бензин окупится, что он израсходуется. Подбери, папочка.

Лавочник возвращается и, завернув рыбу в "Дэйли Мейл", подносит пакет к носу, находит запах приятным и догоняет остальных в то время, как капитан

извлекает заунывную мелодию из концертино.

Занавес падает.

ЭПИЗОД ШЕСТОЙ

Через полчаса. Открытая местность среди поросших вереском склонов. Мужчина в брюках гольф и его жена возвращаются с прогулки. Жена остановилась

и беспокойно вертит ногой.

Жена. Филип, мне что-то в туфлю попало.

Муж. Что?

Жена. В туфлю, говорю, что-то попало.

Муж (он ушел вперед, но теперь тоже останавливается}. Ну так сними. (Возвращается к ней.) Держись за меня.

Жена (снимает туфлю и вытряхивает). Это не в туфле. В чулке.

Муж. Тут негде сесть. Мокро,

Жена. Вот оно - пощупай.

Муж. Да, что-то есть.

Жена (стоя на одной ноге). Держи меня.

Он держит ее, и она уже спустила чулок, как вдруг слышен шум приближающегося

автомобиля.

Муж. Тьфу, пропасть! Машина!

Жена (поспешно опускает юбку и стоит на одной ноге). Только не хватало!

Скрежет тормозов - автомобиль, очевидно, останавливается.

Муж. Он к нам идет.

Жена нагибается и поспешно надевает туфлю, но платье на ней короткое и не закрывает голую ноги. Она держит чулок за спиной.

Мэтт (появляясь справа). Простите, сэр, вы не скажете мне, как проехать в Бови.

Муж. Мы сами не здешние. Вам бы спросить, когда проезжали Уайдкомб.

Мэтт. Наверно, все-таки вон туда, в гору?

Муж. Должна быть. Это дорога на Хейтор, на самую вершину.

Мэтт. А! И оттуда можно узреть землю обетованную?

Жена. Да. Поднимитесь на гору, потом налево, потом направо через ворота.

Мэтт, А там еще спросить, да? (Собирается уйти.) Ну что ж, спасибо и на том.

Муж. Замечательные здесь места, сэр. Дивный воздух.

Мэтт (сухо.). О, да. Тут вообще дивно. Так сухо и солнечно!

Жена (смеется). Как, например, вчера. Такой был туман!

Муж. Говорят, Бови - очень живописный уголок.

Мэтт. Весьма. У меня там тетки живут. Самое подходящее место для теток.

Жена (смеется). Почему для теток?

Мэтт. Тишина, покой. Идеальные условия для вязания.

Муж. Ха, ха! Да вы забавник! Ха, ха!

Мэтт. Ну, мне пора, а то опоздаю к чаю. Значит, сперва мимо Хейтора?..

Жена. Да, а потом вниз, к церкви.

Мэтт. Большое спасибо. Мои тетки как раз возле церкви живут. Всего хорошего!

Слегка приподнимает шляпу и уходит направо.

Жена. Какой милый молодой человек!

Муж. Это он смешно сказал - про теток. Ха, ха!

Шум удаляющейся машины.

Ну, надевай чулок.

Жена (наклоняется и снимает туфлю). Он, наверно, из здешней знати, правда?

Муж (держит ее сзади). Гм! Может, и правда. Кому и ездить в такой дрянной машине, как не им.

Жена. Заметил мою ногу и сейчас же отвел глаза. Очень деликатно с его стороны.

Муж. Это он из сочувствия. У самого бог знает что на ногах надето.

Жена (выворачивает чулок наизнанку). Ага, вот оно, видишь? Камушек! Да какой острый! И как только они попадают...

Муж (перебивает ее). Закройся! Там констебль на велосипеде!

Жена спускает подол и стоит, балансируя на одной ноге, с чулком в руках.

Появляется красный и распаренный констебль; он ведет велосипед.

Констебль. Не видали тут каторжника?

Муж (удивлен). Каторжника?.. Нет!

Констебль. А что видели?

Муж. Только машину.

Констебль. Какая марка?

Муж. "Форд", кажется.

Констебль. Кто был в машине?

Муж. Мужчина. Один.

Констебль. Какой из себя?

Муж. О, вполне порядочный. Джентльмен.

Констебль. Почему так решили?

Муж. По его голосу.

Жена. Он разговаривал с нами.

Констебль. Что сказал?

Муж. Спрашивал дорогу на Бови.

Констебль. Ха! Что на нем было надето?

Муж. Длинный макинтош и такая же шляпа, как у меня. Вполне приличный человек.

Констебль (вытирая пот с лица). Ага! Приличный! Говорите, на Бови?

Муж. У него там тетки. Собирался с ними чай пить.

Констебль (иронически). Ха! Тетки в Бови! Показали ему дорогу?

Жена. Мы посоветовали ему ехать на Хейтор. Это правильно?

Констебль. Ну, поздравляю. Оказали содействие беглому каторжнику.

Муж (в испуге). Нет, правда?.. Но уверяю вас...

Жена. Он был такой милый.

Констебль. Ми-и-лый! На сколько он меня опередил?

Муж. О! Минут на пять, не больше. Вы понимаете, я же не знал...

Я бы никогда...

Констебль (бормочет, отирая пот). Фу-у! Жарища!

Муж. Да вы позвоните сейчас же в Бови!

Констебль (самоуверенно). Хе! Почему, вы думаете, он вас спросил про Бови? А потому, что туда не собирался. Знал, что вы мне передадите, так вот, чтобы сбить меня со следа.

Жена. Но, право же, он настоящий джентльмен!

Констебль (сухо). Те, у кого он полчаса назад увел машину, - они так не думают.

Жена. Я не могу поверить...

Муж. Да, да, я обратил внимание... (Констеблю, который уставился на голую ногу его жены.) У него башмаки - прямо какие-то опорки...

Констебль. Что ж вы его не задержали?

Муж (в волнении). Я бы, конечно... Но как я мог подумать...

Констебль. Задержать надо, а после думать.

Муж. Мне очень жаль... Если бы я знал...

Констебль. Да уж теперь дело сделано. Ну ладно. Поеду в Уайдкомб, позвоню.

Ведя велосипед, направляется к дороге.

Жена (на одной ноге). Не понимаю, о чем тут жалеть, Филип. Он все-таки настоящий джентльмен. Да!

Муж. Каторжник есть каторжник. Нельзя идти против закона.

Жена. А мы вот пошли - и очень хорошо, я очень рада. Этот твой констебль - он-то, небось, не отвел глаз от моей ноги!

Муж. Ты рада бы втравить меня в неприятности с полицией!

Жена. Не говори чепухи, Филип! Нервы у тебя расстроились, так уж я виновата. И не держи меня, сама справлюсь. (Качаясь на одной ноге, надевает чулок.)

Муж. Нахальный тип. Шуточки еще отпускал - про теток!

Жена. Ты, кажется, тогда нашел их смешными.

Муж. Если бы я знал...

Жена. Ну да, конечно, если б ты знал!.. Ах, Филипп!.. Вот, знаешь, говорят - первородный грех, так в тебе его даже ни капельки нету. А во мне, слава богу, есть.

Муж. Где? Я никогда...

Жена. Я это тебе не показываю.

Муж. Э! Он возвращается.

Жена. Кто? Констебль?

Муж. Нет! Тот... Беглый.

Шум машины.

Жена. Ура!

Муж. То есть как ура? Ведь это же черт знает что! Что мне делать?

Жена (коварно). Как что? Беги скорей на дорогу, останови его.

Муж (переминаясь с ноги на ногу). Да он меня машиной переедет. Они же отчаянные!

Жена. Ну так я его остановлю. И скажу ему про констебля.

Муж. И думать не смей!.. О! Остановился. Еще того не легче! Что мне теперь-то делать?..

Жена хохочет. Скрежет тормозов. Снова появляется Мэтт.

Мэтт. Простите, что опять вас беспокою, но моя машина заартачилась. Вы не знаете, тут, кажется, есть кружная дорога? Я как будто видел - через Уайдкомб, направо...

Жена. Есть такая дорога. Но не советую вам туда ехать.

Мэтт. Боюсь, придется. Подъем слишком крутой, машина ползет назад.

Муж. Позвольте... э-э... я... э-э... я должен...

Жена. Мой муж хочет сказать, что в Уайдкомб только что проехал констебль. Вон туда. (Показывает.)

Мэтт. А-а. (Смотрит вдаль из-под руки.) Вижу.

Жена. Так что лучше вам все-таки по той дороге.

Мэтт. Да, видите ли, там их целых двое. А моя машина на это очень чувствительна.

Жена. Ах! Боже мой!

Муж. Джоан! (Решительно.) Сэр! Этот констебль говорил с нами. Вы проиграли. С вашего позволения, я заберу эту машину. Он сказал,

она не ваша.

Мэтт (отступает на шаг). Знаете, это совершенно верно. Не моя. Но ведь и не ваша.

Муж. Хорошо, давайте рассудим. Но боюсь, у вас нет выбора.

Мэтт. Кто я такой, по-вашему?

Муж. Вы?.. Э-э... хм... Беглый каторжник, если смею так выразиться.

Мэтт. О! Но если даже так, я ведь еще не сдался. Я понимаю вашу точку зрения, но у меня, к сожалению, есть своя.

Муж. После того, что мне сказал констебль, я просто не могу вас отпустить.

Мэтт. Слушайте. У меня идея. Давайте все вместе поедem в Уайдкомб.

Муж. Ах, вот за это спасибо! Я знал, что вы благородный человек.

Мэтт. Понимаете, если вы будете со мной, мы беспрепятственно проедem через Уайдкомб, а вас я потом высажу на той стороне.

Муж. Но... Позвольте... Э, нет!.. Так не пойдет!

Мэтт. Все будет очень прилично. Вы везете меня в Уайдкомб, чтобы сдать полиции, и не ваша будет вина, если я проскочу насквозь и потом вас вытряхну. Я стараюсь сделать как удобнее для вас, и, надеюсь, вы сделаете как удобнее для меня.

Муж. С какой стати! Для беглого каторжника!

Мэтт. А скажите, кто вы такой, по-вашему?

Муж. Я?.. Обыкновенный человек.

Мэтт. Вы, значит, хотите сказать, что обыкновенный человек не способен на благородство?

Муж. Нет, почему... Но... Меня предупредили. От этого никуда не денешься!

Жена. Я с вами поеду. Если вы будете с дамой, нас пропустят.

Мэтт. Блестяще! Очень вам признателен. Садитесь!

Муж. Джоан!

Мэтт. Поставьте себя на мое место, сэр...

Муж. Послушайте!.. Ведь, собственно говоря, я должен сбить вас с ног и сесть вам на голову, если смею так выразиться!

Мэтт (расправляет плечи). Пожалуйста! Готов к услугам. Только нельзя ли поскорее?

Муж. Но... но это было бы слишком грубо.

Жена (иронически). Да что ты, Филип! Неужели?

Муж. Хорошо, я согласен, но чтобы я вел машину.

Мэтт. Не вижу оснований. Кто ее украл - я или вы? Так как, сударыня, отправимся?

Жена (закутывая лицо шарфом). Поехали!

Муж. Но это возмутительно! Слушайте, сэр, вы, кажется, думаете...

Мэтт. Я вам скажу, что я думаю. (Жестко.) Я слишком долго был в чистилище и не намерен туда возвращаться - и не вам меня заставить, - если смею так выразиться.

Муж. А вот заставлю!

Жена. Филип!

Муж. Не допущу!.. А не хотите добром, так я вас силой!

Мэтт (угрожающе). Ах, так! (Выхватывает из кармана гаечный ключ.)

Жена (становится между ними. Мэтту). Знаете, я думаю, вам лучше поскорей уехать.

Мэтт. Я тоже так думаю. Простите, что был столь невоспитан и вытащил вот это. (Постукивает пальцем по гаечному ключу.) Но я тут не в игрушки играю. (Мрачно.) От этой жизни, что мы ведем, утрачиваешь чувство юмора. Всего хорошего, сударыня. Никогда не забуду вашей доброты.

Поворачивается и исчезает.

Муж. Эй! Нет, вы не уйдете! Я вам не разрешаю, черт возьми! Остановитесь!

Жена. Великолепно, Филип! Блеск!

Шум мотора.

Беги, милый! Беги! Теперь уж можно - все равно опоздал!

Муж. Ты просто...

Стоят, глядя друг на друга, в то время как постепенно затихает шум

удаляющейся машины и

Занавес падает.

ЭПИЗОД СЕДЬМОЙ

Прошел час. На краю вересковой пустоши, в неглубокой яме, откуда берут гравий, стоит тачка, в ней заступ. Возле, на земле,

ничком лежит Мэтт, видимо, спит в

ожидании темноты. Справа подходит батрак. Это рослый силач с лопатой в руках. Завидев лежащего, останавливается, смотрит. Затем, повернувшись, тихонько уходит обратно. Мэтт почувствовал сквозь сон его приближение, привстал, готовый вскочить и броситься бежать. Потом меняет намерение и снова укладывается в той же позе, как будто спит. Батрак возвращается, с ним другой, такой же здоровенный детина. Первый батрак откашливается.

Мэтт (садится, подобрал ноги). Что вам, ребята? Что-нибудь нужно?

Первый батрак. Да вот, не во гнев вам будь сказано, сэр, ищем тут беглого каторжника. Ну и подумали, а может, это вы?

Мэтт. Интересно! Ха! Приятная история! Ну; а теперь вы убедились, что это не я, так, может быть, вы извинитесь?

Первый батрак (осторожно). Так-то так, да кабы знать наверно...

Мэтт. Вы у кого работаете?

Первый батрак. У фермера Браунинга. Это его выгон.

Мэтт. Хорошо, я поговорю с фермером Браунингом. Это все очень забавно, но мне почему-то не нравится, когда меня принимают за беглого преступника.

Первый батрак. Во-во! С хозяином поговорите. Джордж, беги, покличь хозяина. Он в сад пошел, на тот конец.

Второй батрак уходит налево.

Первый батрак. Этот молодчик, беглый-то, говорят, машину чью-то угнал. А у нас и найдись тут одна, в канаве. И вроде бы та самая.

Мэтт. Ну, а ко мне-то какое это имеет отношение?

Первый батрак. Да я что, я ничего. Вот хозяин придет, разберется.

Мэтт. Я сам к нему пойду. (Хочет встать.)

Первый батрак. Э, нет! Сидите.

Мэтт. Но послушайте, приятель! Разве я так говорю, - как арестант?

Первый батрак. А вот уж не знаю, не слыхал, как они говорят. Они вроде все больше городские.

Мэтт. Ну, а я вырос в деревне, как и вы. Сколько вам хозяин-то платит? (Достает фляжку из кармана, насвистывая "Будьте так любезны, леди".)

Первый батрак. Н-на! Коли вы и впрямь тот беглый, так и ловкач же вы!

Мэтт. Но почему, скажите на милость, вам этакое в голову взбрело? Я приехал сюда половить рыбу, остановился в Лестли, в гостинице. (Делает плоток из пустой фляжки.) Что вы дурака строите? Ведь смеяться будут.

Первый батрак (чесет затылок). А коли вы это самое, что говорите, так чего вы тут прятались?

Мэтт. Прятался? Просто прилег отдохнуть, где нет ветра, перед тем, как идти домой.

Первый батрак. У того-то молодца тоже удочки с собой были.

Мэтт. У беглого? Экий вздор!

Первый батрак. Да уж, стало быть, не вздор.

Мэтт. Ну вот что, дорогой, с меня довольно. (Рывком встает.)

Батрак отскакивает и замахивается лопатой. Но в эту минуту слева появляются фермер и второй батрак в сопровождении девочки лет тринадцати, которая,

видимо, каталась верхом.

Фермер. Стой, стой, Джим, погоди. Ну-ка, вы! Вы на моей земле, так извольте объяснить, кто вы такой и как сюда попали. Тут беглый каторжник шатается и тоже с удочкой, вот как у вас.

Мэтт. Вы мистер Браунинг?

Фермер. Да, это мое имя.

Мэтт. А мое - Мэтью. Капитан Мэтью. Я остановился в гостинице в Лестли. Тут какое-то нелепое недоразумение. Вот этот ваш верный пес почему-то вообразил, что поймал бежавшего преступника.

Фермер (на нею произвели впечатление манеры Мэтта, его говор и фляжка в его руке). Да видите, сэр, когда тут беглые бродят, так приходится быть осторожным. Мисс Лизабет, бегите-ка домой.

Девочка не трогается с места и как зачарованная смотрит на Мэтта.

Сейчас тут констебль приезжал из Уайдкомба, машину смотрел, и говорит, что на этом, который ее увел, такой же вот длинный плащ был, коричневый, и удочка у него и шляпа как у вас.

Мэтт. Если констебль еще здесь, проводите меня к нему.

Фермер. Да нет, я его сюда позову. Джордж, беги, позови констебля, он там, возле машины.

Второй батрак уходит направо. Первый батрак отходит немного в сторону. Мэтт с фермером остаются в левой части сцены, фермер с наружной стороны. Девочка притаилась сзади.

Мэтт. Помилуйте, мистер Браунинг, уж вы-то должны бы лучше разбираться в людях!

Фермер. Оно верно, вы джентльмен, сразу видно, так ведь и тот, говорят, тоже. Капитаном был. А вот дозвольте вас спросить: вы в Лестли в гостинице стоите - так как хозяину фамилия?

Мэтт. А у него есть фамилия? Не заметил.

Фермер. А название гостиницы? Тоже не заметили?

Мэтт. "Красный лев".

Фермер. Ха!

Мэтт. Неужели другое? Напрасно. Это бы ей всего лучше подошло.

Фермер. А может, покажете, что на вас надето? Под плащом-то?

Мэтт (внезапно принимает решение). Ладно. Сдаюсь.

Девочка. Ах!

Фермер. То-то. Давно бы так.

Мэтт (понижив голос). Будем играть по-честному. Дайте мне шанс.

Фермер. Знаете же, что не могу, чего и спрашивать?

Мэтт. Ну что ж, я хоть двое суток был на свободе. И пробежку им устроил хорошую. Нет ли у вас папиросы?

Фермер. Не курю этих финтифлюшек. Джим, дай господину папироску.

Первый батрак достает из кармана пачку папирос и протягивает Мэтту. Тот берет одну и закуривает от спички, которую батрак зажег и держит, заслоняя ее от ветра, в своих мозолистых ладонях. Затем батрак снова отходит с лопатой вправо.

Мэтт. Очень вам благодарен. (Садится на тачку.)

Наступает молчание. Девочка тем временем незаметно подошла к Мэтту.

Девочка (протягивает ему маленький альбом). Можно мне попросить ваш автограф?

Фермер. Мисс Лизабет!

Девочка. Я только начала собирать - не могу же я пропустить такой случай!..

Мэтт (с усмешкой). Чернилами или кровью?

Девочка. Ах! Это бы чудесно!

Мэтт. Моей или вашей?

Девочка. Ах! У меня есть вечная ручка.

Подает ее Мэтту. Он подписывается. Благодарю вас.

Мэтт (возвращая ей альбом). Позвольте пожать вам руку.

Обмениваются рукопожатием.

Когда будешь старушкой, сможешь сказать, что была знакома с знаменитым убийцей Мэттом. (Фермеру.) Так как, мистер Браунинг? Не дадите мне попытать счастья?

Фермер. Арестантов покрывать? Нет, нет, капитан.

Мэтт. Считаете, что они не люди? (Осматривается по сторонам.) Я сейчас как лисица, когда загонят ее в нору. Вам не бывало иногда как-то совестно их откапывать?

Фермер. Еще чего - погань такую!

Мэтт. А! Ну, благодарите бога, что вам до сих пор не приходилось сидеть в тюрьме.

Фермер. Авось и вперед ничего такого не сделаю, за что сажают.

Мэтт. Не зарекайтесь. Бывает ведь, что ты не так уж и виноват, а просто не повезло.

Фермер. Не повезло? А я считаю, что, ежели ты убил человека и тебя не вздернули, так, значит, тебе здорово повезло.

Мэтт (угрюмо). Я не хотел зла этому бедняге.

Девочка. Вы в самом деле убили человека?

Мэтт. Пока еще нет.

Фермер (убирает заступ из тачки). А кто ж его убил? Вы же его треснули, так что он богу душу отдал. Да еще, помнится, когда он исполнял свой долг, вот как я сейчас. (Подозрительно смотрит на Мэтта, как бы предостерегая его от повторения такой попытки.)

Мэтт. Не бойтесь. Здесь ребенок. Если бы не это!.. Надеюсь, вы позаботитесь, чтобы вот этот мой приятель (показывает на батрака) получил награду за поимку.

Фермер. А пусть себе получает. Мне не нужны награды за то, что исполняю свой долг.

Мэтт (кивает с важностью). Приятно слышать. Я высоко ценю ваши благие намерения, мистер Браунинг. Очень рад был с вами познакомиться. Прощайте!

Внезапно вскакивает с тачки и, извернувшись, как футболист, избегающий столкновения, проскальзывает мимо фермера и убегает налево. Девочка бьет в

ладони.

Фермер (в изумлении). Ах ты, поганец! Гей! Джим! Лови!

Батрак издает рев и бросается следом. Фермер тоже хочет бежать.

Девочка. Ах! Мистер Браунинг!

Фермер (остановился). Что?

Девочка. Ах! Ничего.

Фермер. Тьфу!

Убегает налево. Справа вбегают констебль и второй батрак.

Констебль. Удрал! В какую сторону он побежал, мисс?

Девочка (свысока, с непроницаемым видом). Не знаю.

Констебль (батраку). Ну, живо! Бежим!

Убегают налево.

Девочка. Ах! Только бы не поймали! Ах!

Крики погони вдали.

Занавес

ЭПИЗОД ВОСЬМОЙ

Прошло несколько минут. Гостиная в скромном деревенском домике, где все, однако, говорит о принадлежности хозяек к местному избранному обществу. Две старые девицы, сестры, собрались пить чай. Мисс Грейс, сорока семи лет, заваривает чай на маленьком столике у камина. Мисс Дора, гораздо моложе ее, стоит в глубине перед раскрытой стеклянной дверью. Она в охотничьем костюме.

Мисс Дора. Какой чудесный закат! Посмотри, Грейс. Алый, как кровь. Охота сегодня была удачная. Мы затравили лисицу. Все смотрели, не попадет ли где-нибудь бежавший заключенный.

Мисс Грейс. Тебе не попался?

Мисс Дора. Слава богу, нет. Бедняга! Травят его, как дикого зверя.

Мисс Грейс. Если тебе жалко тех, кого травят, зачем едешь на охоту?

Мисс Дора. Лисицы сами охотники, они понимают, что и на них могут охотиться.

Мисс Грейс. Заключение тоже понимают. Нечего тратить на них сочувствие. Пей-ка лучше чай.

Мисс Дора. Он не простой арестант. Это тот капитан Деннант, помнишь?

Мисс Грейс. О! Еще бы не помнить. Сколько мы из-за него спорили. Ну и что ж! Он получил по заслугам.

Мисс Дора (идет к столу и садится. Пристально смотрит на сестру). Странно, Грейс, ты ведь добрая женщина, а какая иногда бываешь жестокая.

Мисс Грейс. Возьми булочку. Просто я не терплю непоследовательности.

Мисс Дора (задумчиво). Да. Это верно. Ты права.

Мисс Грейс (удивлена). То есть как?

Мисс Дора. В самом деле это слишком жестоко - травить лисиц. Лучше уж стрелять.

Мисс Грейс. Тогда и лисиц скоро не станет. Ты только не вздумай это здесь проповедовать. Довольно уже чудачеств. Ты и кроликов жалеешь и цепных собак, со всеми фермерами перессорилась. Подожди, пока поедем в Бат. Там можешь чудить сколько тебе угодно.

Мисс Дора. Я больше не буду охотиться.

Мисс Грейс. Ну и очень глупо, если это доставляет тебе удовольствие. Пойдешь сегодня со мной в церковь?

Мисс Дора. Знаешь, что мне хотелось бы от тебя услышать? "Я больше не буду ходить в церковь".

Мисс Грейс. Ради бога, Дора, избавь меня от твоего свободомыслия.

Мисс Дора. Ради бога, Грейс, избавь меня от твоего благочестия.

Мисс Грейс. Ведь ты этим только обижаешь пастора.

Мисс Дора (качает головой). Он славный старик - не обидится.

Мисс Грейс. До чего ты любишь противоречить. Стоит мне что-нибудь сказать, ты сейчас же против!

Мисс Дора. Душенька, где уж мне против тебя. У тебя воля гораздо сильнее. А во мне недостаточно эгоизма.

Мисс Грейс (холодно). Значит, по-твоему, я эгоистка? Спасибо.

Мисс Дора. Прости, Грейс.

Мисс Грейс. Налить тебе еще?

Мисс Дора. Пожалуйста.

Мисс Дора подвигает свою чашку, и мисс Грейс наливает чай. Внезапно в стеклянной двери появляется человеческая фигура. Обе сестры опускают руки и ошеломленно смотрят. Мэтт, задыхаясь и еле держась на ногах, делает умоляющий жест и прячется за портьерой. Издали доносятся крики погони. Сестры еще не опомнились от изумления, как вдруг в стеклянной двери

появляется фермер.

Фермер. Куда он побежал?

Мисс Дора. Кто?

Фермер. Каторжник. Он через ваш забор перескочил и сюда, за дом, кинулся.

Мисс Дора. А! Да... Я, кажется, видела... Какой-то человек пробежал по лужайке и опять через забор - в том конце. Скорей, мистер Браунинг!

За ее спиной лицо и поза мисс Грейс выражают борьбу чувств.

Фермер. Ага! Вот оно что! Эй, ребята! Он там через забор сиганул! За ним! Живей! Перехватить его надо, пока в лес не ушел!

В стеклянную дверь видна пробегающая мимо погоня - оба батрака, полицейский и двое юнцов, судя по виду, туристы. Крики затихают вдали. Обе сестры

вскочили из-за стола. Напряженное молчание.

Мэтт (все еще тяжело дыша, со шляпой в руке, выходит из-за портьеры. Видит охотничий костюм мисс Доры и оборачивается к мисс Грейс). Как мне благодарить вас, сударыня!

Мисс Грейс. Не меня.

Мэтт (кланяется мисс Доре). Вы просто ангел. Ангел!

Мисс Дора. Не стойте против двери: увидят! (Задерживает портьеру. Мэтт отходит в глубь комнаты.)

Мисс Грейс. Ангел! Так солгать! И ради кого - ради беглого каторжника!

Мэтт (к нему уже вернулось самообладание). Тем больше в том заслуги, сударыня. Солгать ради архиепископа - это невелика штука.

Мисс Грейс. Не кощунствуйте, пожалуйста.

Мисс Дора (наливает чай). Выпьете чашечку, сэр?

Мисс Грейс (вполголоса). Дора!

Мэтт (кладет шляпу на стул и берет чашку из рук мисс Доры). Вы очень добры. (Залпом выпивает чай и возвращает чашку.) Простите,

ради бога, что я ворвался к вам, но это был мой последний шанс - либо так, либо конец.

Мисс Грейс. В таком случае, сэр, я считаю, пусть уж был бы конец. Подумайте, в какое положение вы ставите мою несчастную сестру!

Мисс Дора (возмущенно). Несчастную! Ну, Грейс!..

Мэтт. Когда за тобой гонятся, думаешь только о следующем шаге.

Мисс Дора. Вы совсем выбились из сил.

Мэтт. Спасибо, я уже чуточку отдохнул. Мне хочется поцеловать подол вашего платья.

Мисс Дора. Подола-то нет. Но как вы решились? Ведь это все-таки безумие - бежать из тюрьмы!

Мэтт. Не сказал бы. По крайней мере я увидел, какие хорошие люди есть на свете.

Мисс Дора. С вами там плохо обращались?

Мэтт. Нет, обращение было ничего - немножко однообразное.

Мисс Дора. Тсс! Слушайте!

Прислушиваются. Слышны отдаленные крики.

А теперь вы куда?

Мэтт. Сам не знаю. Плана у меня нет. Это как в сражении - не успеешь составить план, как уже надо его менять.

Мисс Дора. Я знаю, кто вы, про вас есть в газетах.

Мэтт. А! С жирными заголовками, да? Вот когда я попал в знаменитости. Ну так. Еще раз - огромное вам спасибо. А я уж пойду.

Мисс Дора. Нет. Подождите. (Осторожно раздвинув портьеры, выглядывает в стеклянную дверь.) Я сейчас.

Исчезает за портьерой.

Мисс Грейс (резко поворачивается к Мэтту). Вы, вероятно, считаете себя джентльменом?

Мэтт. Право, не знаю. Не берусь утверждать. А то еще кто-нибудь не согласится;

Мисс Грейс. Вы видите, что за человек моя сестра - увлекающаяся натура, горячее сердце. Я... я очень ее люблю.

Мэтт. Еще бы. Она изумительная.

Мисс Грейс. Если вы не хотите ее подвести...

Мисс Дора (вновь появляясь из-за портьеры). Я, кажется, нашла, где вас спрятать.

Мисс Грейс. Дора!

Мэтт. Нет, нет, не надо. Я не могу позволить...

Мисс Дора (оборачивается к сестре). Я это сделаю, Грейс.

Быстро перебрасываются короткими фразами.

Мисс Грейс. Только не у меня в доме.

Мисс Дора. Это и мой дом, не только твой. А ты можешь не принимать участия.

Мисс Грейс (тащит ее от двери). До сих пор ты еще не нарушала закона. И не нарушишь!

Мисс Дора. Я не могу видеть, как эта орава преследует солдата и джентльмена.

Мисс Грейс (метнув взгляд на Мэтта). Дора, ты не должна. Это преступно, и это нелепо.

Мисс Дора (гневно). Уходи наверх. Если спросят, я скажу, что ты ничего не видела. И ты так скажи.

Мисс Грейс (возвысив голос). Ты хочешь, чтобы я солгала!

Мэтт, которого они не замечают в пылу спора, делает жест отчаяния и

выскальзывает в стеклянную дверь.

Мисс Дора. Я его спрячу, сказано тебе! Капитан... (Оборачивается к Мэтту и видит, что его нет.) Где он?..

Сестры умолкают, растерянно оглядываясь.

Мисс Дора. Куда он вышел - в ту дверь или в эту?

Мисс Грейс. Не знаю.

Мисс Дора. Ты не видела?

Мисс Грейс. Нет. (В ответ на недоверчивый взгляд сестры.) Я сказала нет!

Мисс Дора заглядывает за портьеру, потом осторожно в дверь - и отшатывается, увидев перед собой констебля; запыхавшийся, разгоряченный, он входит в

комнату; фермер и первый батрак остаются за порогом.

Констебль. Извините, мисс. Упустили мы его. Уж больно проворный! А может, он обратно кинулся? Так дозвольте, мы пройдем по дому, на случай, он где-нибудь тут укрылся.

Мисс Дора. В доме его быть не может.

Мисс Грейс молчит, крепко сжав губы.

Фермер. Все-таки, мисс, надо поглядеть. Это же такой хитрюга!

Не дожидаясь разрешения, они проходят через комнату в левую дверь. Сестры

стоят, глядя друг на друга.

Мисс Дора. Не дам его изловить! (Направляется к двери.)

Мисс Грейс (хватает сестру за платье). Не смей! Слышишь?

Мисс Дора. Пусти!

Мисс Грейс. Не пущу. Ты с ума сошла! Что тебе до него?

Мисс Дора. Пусти, Грейс!

Мисс Грейс. Помогать ему - значит стать его сообщницей.

Мисс Дора. Тыпустишь меня, Грейс? Я тебя ударю!

Мисс Грейс. Вот хорошо! Бей!

Сестры схватились, и на мгновение кажется, что у них дойдет до драки. Топот

шагов за левой дверью.

Мисс Дора. Пусти!

Расходятся и выжидающе смотрят на дверь. Входят фермер и констебль.

Фермер. В доме его нет, это точно.

Констебль (остановившись между обеими сестрами). Вы уверены, мисс, что он через тот забор перескочил?

Напряженная пауза.

Мисс Дора. Уверена.

Мисс Грейс втягивает воздух сквозь сжатые зубы.

Фермер. И больше вы его не видали?

Мисс Дора. Нет.

Фермер. А вы, мисс?

Мисс Дора впивается взглядом в сестру.

Мисс Грейс (вскинув голову, с застывшим лицом). Нет. Не видела.

Фермер (поднимает шляпу, забытую Мэттом во время его внезапного бегства). О! Это что такое?

Мисс Дора (она уже овладела собой). Это? Старая шляпа моего брата, которую я тоже иногда надеваю.

Фермер. Здорово похожа на ту, что на нем была.

Мисс Дора. Да?.. Эти рыбацкие шляпы все одинаковы. (Берет у него шляпу.) А в саду, мистер Браунинг, вы не смотрели?

Фермер. Оно бы надо, да вишь, как уже стемнело. Ну, ребята, пойдем-ка в саду пошарим. Обдурил меня, поганец! Да нет, врешь, я

свое возьму!

Мисс Дора. Попробуйте еще у пастора.

Фермер. Ага! И там поглядим.

Выходят через стеклянную дверь. Сестры стоят молча. Внезапно мисс Грейс

падает в кресло возле стола и закрывает лицо руками.

Мисс Дора. Ты замечательно сказала это, Грейс. Спасибо тебе.

Мисс Грейс (яростным жестом отнимает руки от лица). Спасибо? За то, что я солгала!

Мисс Дора. Мне очень жаль, Грейс,

Мисс Грейс. Жаль тебе! Доведись еще, ты бы опять меня заставила.

Мисс Дора (просто). Конечно. (Смотрит вслед погоне.) Бедный!

Снова поворачивается к сестре, и пока они обмениваются взглядами.

Занавес падает.

ЭПИЗОД ДЕВЯТЫЙ

Временного промежутка не было. Ризница в деревенской церкви, освещенная керосиновой лампой; в глубине, у задней стены, висят на вешалке стихари и прочие церковные облачения; справа - дверь, ведущая на кладбище, слева дверь в церковь, она растворена. Никакой мебели, кроме двух-трех стульев, и у левой стены, дальше от ramпы, чем дверь, - маленький столик, на котором

стоит кувшин. При поднятии занавеса сцена пуста, но почти тотчас из церкви входит пастор, держа в руках какие-то украшения, которыми церковь была декорирована к недавно миновавшему празднику Жатвы. Кладет их на столик; Пастор - худощавый седой человек средних лет, загорелый и подвижной; красивое, гладко выбритое лицо изрезано морщинами. Одет в широкую куртку с поясом. Судя по всему, он несколько склонен к обрядности Высокой церкви. Наливает воду из кувшина в две большие вазы, напевая вполголоса: "О, крылья иметь бы мне, крылья голубки!" Затем уносит вазы в церковь. Правая дверь вдруг открывается, и Мэтт, измученный, с непокрытой головой, прокрадывается в ризницу, затворяя за собой дверь. Несколько секунд стоит, оценивая положение, идет к растворенной двери напротив, видит пастора, поспешно отступает и прячется за одним из висящих на стене облачений. Украдкой

выпячивается и тотчас скрывается, когда пастор снова входит, уже в полный голос распевая: "О, крылья иметь бы мне, крылья голубки!" Пастор снимает куртку, идет к вешалке и в ту минуту, когда достигает в пении самой высокой ноты, протягивает руку и снимает с крючка рясу, под которой укрылся Мэтт.

Отшатывается.

Пастор. Что это?.. Зачем вы здесь?

Мэтт. Я прошу убежища, сэр.

Пастор. Не понимаю. Кто вы такой?

Мэтт распахивает свой макинтош.

А!.. (В этом "А!.." звучит нечто большее, чем удивление, это возглас тревоги и даже испуга, как будто говорящий внезапно заглянул в собственную душу.) Бежавший заключенный! Вы не должны были приходить сюда.

Мэтт. А куда же, сэр? В прежнее время церковь...

Пастор. В прежнее время церковь была сама по себе, а теперь она подчинена государству.

Мэтт делает шаг к двери.

Погодите! (Вешает куртку и надевает рясу, как бы стараясь укрепить в себе священнослужителя.) Я, кажется, читал... Вы тот самый капитан Деннант?..

Мэтт. Да.

Пастор (почти про себя). Бедняга!

Мэтт смотрит на него.

Молчание.

Мэтт. Для нас, кто был на фронте, смерть значит меньше, чем для вас.

Пастор. Знаю. Я тоже был там.

Мэтт. Падре?.. {Обычное обращение в английской армии к военным священникам. (Падре - отец по-итальянски.)}

Пастор (кивает). Откуда вы сейчас?

Мэтт. Из дома напротив. Где живут две сестры. Ушел, когда они ссорились из-за меня. Не мог этого вынести - не стою.

Пастор (с легкой усмешкой). Мисс Дора хотела вас спрятать, а мисс Грейс - выгнать. Так? И, однако, мисс Дора не ходит в церковь, а мисс Грейс ходит. Странно, правда? А может быть, и не странно. (Смотрит на Мэтта.) За вами гонятся?

Мэтт. По пятам.

Пастор. Убежище? Если бы я был католиком... Иногда мне этого даже хочется.

Мэтт. Они логичнее.

Пастор. Они сильнее. Да. С таким случаем мне еще не приходилось сталкиваться, капитан Деннант.

Мэтт. Я, кажется, дошел до точки, сэр. Если позволите мне отдохнуть тут немного - это все, чего я прошу.

Пастор. Ах вы, бедный! Конечно! Сядьте. (Подставляет ему стул.) Я запру дверь. (Запирает правую дверь. Заметив, что Мэтт бросил взгляд на окно в четвертой - воображаемой - стене.) Нет, оттуда не увидят. Да вы, должно быть, и голодны?

Мэтт (садится). Нет, спасибо. Есть уже не могу. Переголодал. Вам, вероятно, знакомо это ощущение?

Пастор (качает головой). Боюсь, мы, священнослужители, ведем чересчур правильный образ жизни.

Мэтт. Ну, а на фронте? Там ведь всяко бывало.

Пастор. Стыдно сказать, но нет, даже и там не приходилось. (Говоря, он, видимо, все время напряженно думает, не в силах принять решение.)

Мэтт (внезапно). Ну, падре? Как решили? Выдать меня?

Пастор (тронут этим обращением). Падре! (Пройдясь по комнате, вдруг останавливается перед Мэттом.) Как человек с человеком - кто я такой, чтобы вас выдавать? Такой же слабый и грешный! (Отрицательно качает головой.) Я не имею права помогать вам в побеге, но если вам нужен отдых - оставайтесь!

Мэтт. А интересно, как бы поступил Христос в подобном случае?

Пастор (с грустью). Это, капитан Деннант, самый трудный вопрос на свете. Никто не знает. Можно говорить то или другое, но знать - нет, знать никому не дано. Чем больше читаешь евангелие, тем яснее видишь, что его решения никто не мог бы предугадать. Видите ли, он был гений! Оттого так трудно нам, кто пытается ему следовать. (Смотрит на Мэтта, который сидит, упершись локтями в колени и уронив голову на руки.) Очень устали?

Мэтт. Ох! Даже никогда не думал, что можно так устать. Ноги не держат. А я ведь бегал на трехмильную дистанцию.

Пастор. Вот как? Молодец!

Мэтт. Главное, вот здесь (трогает лоб) все время тебя грызет. Вдруг поймают - и опять за решетку!.. Странно! Я и вполонину так не волновался, когда бежал из Германии.

Пастор. Никто не видел, как вы сюда вошли?

Мэтт. Наверно, нет, а то они уже были бы здесь.

Пастор. Кто за вами гонится?

Мэтт. Деревенские и констебль.

Пастор. Деревенские! Мои прихожане - а я...

Мэтт (встает). Да. Вы правы, падре. Неладно получается. Я уйду.

Пастор (кладет руку ему на плечо и заставляет снова сесть). Нет, нет! Отдохните, пока можно. Вы просили убежища. И я еще не знаю, смею ли изгнать вас отсюда. Не знаю... Во всяком случае, не могу. Не торопитесь. Тут у меня есть немножко коньяку. Держу на случай, если кому-нибудь станет дурно в церкви... (Достает из углового шкафчика бутылку и рюмку.) Пейте все.

Мэтт (пьет. Вынимает фляжку). Можно вас попросить? Не взяли бы вы передать это от меня - она пустая - тому, кто мне ее дал? Тут вот имя и адрес. (Достает из кармана матерчатый ярлычок.) Это я от макинтоша оторвал. Можете еще прибавить "с вечной благодарностью". Только чтобы имени никто не узнал.

Пастор. Нет, нет, будьте покойны. (Прячет ярлычок в карман,) Скажите, что вас побудило бежать?

Мэтт. Заприте рысь в клетке и случайно оставьте дверцу открытой увидите, что будет. (Вглядывается в лицо пастора.) А. Да, я вас понимаю. Но за это я уже давно расплатился.

Пастор. Разве вас несправедливо судили?

Мэтт. Нельзя судить человека за несчастную случайность.

Пастор. А это была только несчастная случайность?

Мэтт. Ну, конечно, мне не следовало его бить... Первородный грех, очевидно. Но все-таки за обыкновенную драку дают самое большее полтора месяца. А я получил лишних четыре года - просто за то, что там была решетка, на Роттен-Роу. Нет, я считаю, что имел полное право сбежать.

Пастор. Если ваша совесть покойна, тогда, конечно... Это ведь главное.

Мэтт. Да не тревожьтесь из-за этого, падре. Меня же все равно поймают.

Пастор (с улыбкой). О нет, я не из-за этого. Кесарь пусть сам о себе заботится, он это умеет. Меня тревожит совсем другое - ответ перед собственной моей совестью. Те мысли, которые сейчас во мне встают. Вы командовали ротой на войне. Вели за собой солдат. А я веду...

Мэтт. Своих прихожан?

Пастор (кивает). Да. Когда вы уйдете и я об этом промолчу, имею ли я право не сказать им, что я промолчал? Имею ли я право нарушить закон и не сказать им об этом? А если я скажу, сохраню ли я то небольшое влияние, которое сейчас на них имею? А может ли священник исполнять свои обязанности, если он не имеет влияния? Вот что меня тревожит, капитан Деннант.

Мэтт. Понимаю. (Настораживается.) Кто-то дергает дверь.

Пастор идет к правой двери. Мэтт делает шаг вперед.

Пастор (у двери). Кто там?

Голос звонаря. Это я, сэр.

Пастор. Нет, Томас, я занят, сейчас никого не могу впустить. Если у вас ко мне дело, отложите до после службы. (Стоит, прислушиваясь, затем возвращается.) Наш звонарь.

Мэтт. Божье гостеприимство. Я не забуду, падре. Но не хочу тревожить вашу совесть. Уйду. А правда, хорошо бы иметь, крылья - крылья голубки!

Пастор. Вечерня начинается в половине седьмого. Молящихся много не будет - один-два человека. Будьте третьим. Отдохните, пока идет служба. Сюда никто не заходит.

Мэтт. Вы хороший человек! Но лучше мне сейчас попытаться. Теперь уже темно. Нельзя, знаете, сдавать. Пущусь опять в бега - поймают, так хоть под открытым небом. А вы дайте мне благословение.

Пастор (качает головой). Я недостаточно уверен в себе... ни в чем больше не уверен. Давать благословение - на это нужен по меньшей мере епископ.

Громкий стук в дверь.

Мэтт. Эх! Попался!

Одним прыжком бросается к вешалке и исчезает за облачениями.
Пастор снова
подходит к двери.

Пастор (резко). Что там такое?

Голос констебля. Откройте, сэр, пожалуйста!

Пастор. Кто это?

Голос констебля. Полиция, сэр. Откройте!

Пастор с жестом отчаяния отпирает дверь. Входят констебль, фермер, оба

батрака и звонарь.

Пастор. Я сказал, Томас, что никого сейчас не могу принять. Только после службы.

Звонарь. Да, сэр, но вот констебль говорит... надо, чтобы вы знали. Я видел, недавно сюда человек вошел, вот в эту дверь, с кладбища. (Оглядывается по сторонам.)

Пастор. В чем дело, констебль?

Констебль. Да все этот беглый, сэр. Вот эти двое парней совсем было его застучали возле старого карьера, да он от них удрал. Потом гнались мы за ним до того дома, где барышни живут, и опять он от нас улизнул. А теперь Томас говорит, будто видел, как в церковь кто-то вошел, и вроде на него похожий. Вы сами-то давно ли здесь, сэр?

Пастор. Не меньше часа.

Констебль. Главный вход заперт, и я поставил ребят на паперти. А вы уверены, что в церкви никого нет?

Пастор (идет к двери в церковь). Я не знаю, имеете ли вы право обыскивать дом божий. Но хорошо, ищите, только без шума, пожалуйста. (Становится у двери в церковь, пропуская мимо себя преследователей.)

Все уходят в церковь, кроме звонаря, который по-прежнему стоит у наружной

двери. Пастор подходит к нему.

Пастор. Можете идти с ними, Томас. Я постою здесь.

Звонарь всем своим видом выражая недоумение и настороженность, но не смея

ослушаться повелительного взгляда пастора, уходит в церковь.

Пастор (чуть шевеля губами). Скорей!

Но пока он говорит, в церковной двери вновь появляется фермер. Пастор едва успевает предостерегающе поднять руку, а Мэтт - снова скрыться за

облачениями.

Пастор. Ну что, Браунинг?

Фермер. Нету его. Там одни голые стены, кошке негде спрятаться. Ну, да мы его все равно поймаем. (Подозрительно смотрит на пастора.)

Пастор (с принужденной улыбкой). Выходит, опять ускользнул?

Фермер. Выходит, что так. Хитрый, каналья! Не хуже зайца скидки умеет делать. А что там за вешалкой, а?

Пастор (с той же принужденной улыбкой). Я посмотрю, Браунинг.

Идет к вешалке и, раздвинув облачения на середине, заглядывает за них, но только в левую сторону. В эту минуту из церкви входят все остальные, и пастор оборачивается к ним.

Констебль. Благодарю вас, сэр. Нету его здесь, Томас. Дурака ты, братец, сваял.

Звонарь (растерянно бормоча). Да видел же я... Своими глазами... Как же так...

Пастор (посмотрев на свои часы). Пора начинать, Томас. Идите звонить. (Констеблю.) Извините, вас я тоже попрошу уйти. Если, конечно, вы не захотите остаться и помолиться вместе с нами.

Лица у всех слегка вытягиваются.

Констебль (отворяет наружную дверь и манит остальных.). Прощения просим, сэр, но что поделаешь... Моя обязанность...

Пастор. Да, констебль, понятно.

Фермер (внезапно). Минуточку, ваше преподобие. Вы уж простите меня, а только вы верно знаете, что так-таки и не видали этого поганца?

Пастор (выпрямляется). Вы понимаете, о чем спрашиваете?

Фермер. Я спрашиваю: можете вы нам сказать по чести, как христианин и джентльмен, видели вы его или нет?

Пастор. Я...

Мэтт (выходит из-за вешалки; он без макинтоша). Разумеется, он не видел. Извините, сэр, я тут прятался. (Поднимает руки.) Сдаюсь, констебль.

Фермер. А! Вот он где, каналья! Теперь-то не уйдешь! Держи! Держи! Держи!

Пастор. Тихо! Не бесчинствовать здесь! И выйдите все вон. Вы оскорбляете бога!

Удивленные этой вспышкой, все выходят с виноватым видом. На
середине сцены

остаются только Мэтт и держащий его констебль.

Пастор стоит левее.

Мэтт (пастору). Простите меня, сэр. Я не должен был сюда
приходить. Нечестная игра!

Пастор. А! Честность! О нет, это-то у вас есть. Это есть.

Мэтт. От всех можно убежать, только не от самого себя.

Пастор. Да, в этом все дело. (Очень тихо.) Да хранит вас бог!

Провожает взглядом уходящих констебля и Мэтта. И в то время,
как начинает

звонить колокол,

занавес опускается.

1926 г.